Лжедмитрий. Игра за престол

Автор:
Михаил Ланцов

Лжедмитрий. Игра за престол

Михаил Алексеевич Ланцов

Героическая фантастикаЛжедмитрий #1

Наш современник проваливается в прошлое, за пару лет до начала Смутного времени. Внешнее сходство с покойным Иваном Грозным играет с ним злую шутку – все принимают его за царевича Дмитрия. Но «чудом спасенный» Дмитрий Иванович не желает вступать в игру за престол. Он готов подружиться с Борисом Годуновым, чтобы совместно отбить польскую интервенцию. Однако судьба распоряжается по-другому – в России начинается боярский мятеж, переросший в «бессмысленный и беспощадный» народный бунт. И чтобы спасти страну от ужасов гражданской войны, Дима решается стать правителем. Лжедмитрий? Да. Но это совсем другой Лжедмитрий…

Михаил Ланцов

Лжедмитрий. Игра за престол

Разработка серии С. Курбатова

В оформлении переплета использована иллюстрация художника И. Варавина

© Ланцов М.А., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

11 сентября 1603 года, окрестности Москвы

– Твою же мать! – раздраженно воскликнул Дмитрий.

Выехав за очередной поворот дороги, он наткнулся на настоящее сражение. Где-то с сотню стрельцов[1 - Стрельцы – первые части Русского царства, вооруженные огнестрельным оружием. Были пешие и конные (стремянные). Какая-то их часть была сведена в первые регулярные воинские формации России.] отбивались от пестро одетой толпы. Большинство нападающих выглядели натурально как бродяги, но имелись и неплохо «прикинутые кадры». Стрельцы рубились холодным оружием, отбросив пищали. Наверное, поэтому Дмитрий ничего и не заметил. Сильный ветер в спину сносил звуки в сторону и мешал использовать фитильные пищали. А густой подлесок глушил остатки шума.

А ведь как все хорошо начиналось…

Реконструкторы планировали провести недалеко от Смоленска маневры, посвященные эпохе Алексея Михайловича[2 - Алексей Михайлович (1629–1676) – второй русский царь из династии Романовых. Правил в 1645–1676 годах.]. Стрельцы, полки Нового строя[3 - Полки Нового (солдатского, рейтарского и прочего) строя – на протяжении всего XVII века в Русском царстве проходили последовательные попытки преобразовать вооруженные силы по передовому образцу. В 1609, 1630, 1638 годах и далее вплоть до реформ Петра Великого, завершившего столь важное дело.], классические европейские наемники, и все такое. Да с пальбой из пушек и массой красочного антуража. Вот Дмитрий и

пристроился. Его комплект рейтара[4 - Рейтары – наемные конные полки Европы XVI–XVII веков, носившие не только хороший доспех (как и кирасиры), но и вооруженные несколькими тяжелыми крупнокалиберными пистолетами. Представляли собой тяжелую стрелковую кавалерию.] из Южной Германии времен Тридцатилетней войны[5 - Тридцатилетняя война – военно-религиозный конфликт в Европе в 1618–1648 годы, в который были вовлечены практически все державы Европы. Сражения шли преимущественно в Священной Римской империи.] был исключительно хорош. Даже слишком. Вот он и решил добавить к этому антуражу еще и эффектное появление. Выгрузил заранее лошадь со снаряжением. Облачился. И направился к месту сбора своим ходом, благо, что машины было кому отогнать и без него. Ну а что? Отличный план. Все люди как люди, приезжают на «колесах» и лихорадочно вливаются. А он весь из себя аутентичный «вырулит» на своем четвероногом транспорте из подлеска. В пыли, поту и паутине. Так, словно действительно совершил дальний переход. Кто же знал, куда выведет его тот странно густой туман?

Поначалу-то ему даже понравилось. Первые пару часов.

Такая реалистичность!

Он ехал и нахваливал организаторов за то, как они классно и ответственно подошли к вопросу в этот раз. Вон даже актеров массовки набрали колоритных. Где только нашли?

Но вся эйфория мгновенно исчезла из его головы после того, как Дмитрий наткнулся на первого повешенного. И тут парня проняло. С трупом был явный перебор. Он хорошо знал организаторов. Они бы никогда так не пошутили. А этот несчастный болтался в петле уже не первый день. Ибо воняло от него нещадно, да и воронье слегка отличилось.

За те несколько минут, что он в ужасе рассматривал висельника, у Димы в голове с паническими воплями пролетела вся его недолгая жизнь. Раннее детство у бабушки в Угличе. Ее смерть. «Ссылка» в элитный интернат в Швейцарии. Родители не хотели с ним возиться, вот и отправили. Творца там из него не воспитали, но образование он получил очень качественное, а главное – комплексное. Казарменное положение позволяло прекрасно сочетать полное вовлечение с очень интенсивным графиком. Ни одна обычная школа ничего подобного даже близко не даст. Четыре европейских языка свободно. Классические языки на уровне крепкого середнячка. Естественные,

гуманитарные и точные науки на уровне, достаточном, чтобы поступить в любой вуз мира.

А потом родители развелись, и Дмитрий не выдержал. Он взбунтовался и послал все ко всем чертям. В пику родительским советам он вернулся в Россию, где сам поступил в Бауманку. И это при том, что теплое место в Оксфорде ему уже было обеспечено. Но ни маму, ни папу он даже слышать не хотел до такой степени, что даже увлечения свои выбрал им назло. Вместо тенниса и гольфа занялся военно-исторической реконструкцией, историческим фехтованием, верховой ездой, качалкой и так далее. Причем истово, крепко, основательно. Благо деньги позволяли – родители охотно откупались от сына, ставшего таким неудобным…

Семь дней прошло с тех пор, как парень забрался в странный туман.

Он уже успел обрасти щетиной, покрыться грязью, потом и дорожной пылью. Но главное – полностью убедился в том, что все вокруг не глупый розыгрыш. Слишком много там оказалось боли и смерти, а еще грязи и непроходимой бедности. Люди вокруг реально голодали. Поначалу он не верил своим глазам. Пока не попытался в шутку «снять» юную крестьянку за сытный ужин. А она взяла и охотно согласилась. Стыдно было так, что Дима готов был сквозь землю провалиться. Но отказываться было поздно. Да и неловко. Наверное, тогда, ночью, чувствуя под боком тепло молоденькой изможденной девушки, он и осознал весь ужас сложившейся ситуации.

Наутро он проснулся с жутким настроением. Девчонке дал в подарок серебряную копейку[6 - Позиционируясь на роль западноевропейского наемника Русского царства, Дмитрий не поскупился сделать себе в достатке реплик монет как Священной Римской империи, так и Русского царства – конца XVI – начала XVII века. Серебряные копейки и серебряные крейцеры были основным объемом таких монет. Хотя имелось и несколько крупных монет, как золотых, так и серебряных. Само собой, эти монеты были не в подвесном кошельке, а аутентично припрятаны в поясе, одежде и поклаже.] и отпустил с миром и искренним счастьем в глазах. А сам стал присматриваться, тщетно выискивая следы современной цивилизации. Но без толку. Кое-как выяснил, какой год на дворе, да прочие важные подробности. И чем больше узнавал, тем сильнее в его душе нарастали панические нотки. Как он сюда попал? Можно ли вернуться? А если нет, то как дальше жить?

Ведь это только в сказках попадание в прошлое красиво и приятно. Дмитрий-то историю знал неплохо. Он прекрасно представлял, какой кошмар его ожидает в ближайшем будущем. А деваться особенно-то и некуда. В Европе уже гремят религиозные войны. В России Смута, да и после нее – не сахар. Хотя когда в России было иначе? А главное – по всей планете разгул смертей, болезней и голода, под ручку с вопиющей антисанитарией и практически полным отсутствием хоть сколь-либо адекватной медицинской помощи. Зуб заболел? Рви не медля. Если повезет – только один потеряешь. Заболел простудой? Молись и кайся! Ибо время твое пришло. Сказка, а не жизнь! Блин…

И вот теперь он наткнулся на самый натуральный бой.

Лезть в сражение совсем не хотелось. Да, тренера у него были, дай боже. Но одно дело тренировки и учебные бои, и совсем другое – реальная свалка. Никто ведь еще не слышал о героически погибшем экипаже тренажера. А вот о тех, кто глупо и бездарно сложил свою голову в сражениях, – сплошь и рядом.

Окинув взором поле боя и оценив расклад, Дмитрий пришел к выводу, что перед ним неплохо спланированная засада на маршевую колонну стрельцов. Вон даже конного командира, что явно возглавлял движение, отрезали от остальных бойцов и дожимают массой. Дерется тот славно, но шансы не в его пользу. Слишком уж много врагов. Бунт? Очень на то похоже. Возможно очередное крестьянское выступление. Такие напасти, как он помнил, случались довольно часто…

Иван Федорович[7 - Басманов Иван Федорович – дворянин при дворе русских царей Федора I и Бориса I, царский окольничий и воевода Рязанский периода Смутного времени. Был сыном опричника Федора Басманова, фаворита Ивана Грозного, впавшего в немилость и казненного, когда Иван был еще младенцем. Был воспитан В.Ю. Голицыным, который взял в жены его мать. В августе 1603 года выступил с сотней стрельцов против бунтаря Хлопка Косолапа. В сентябре того же года, попав в засаду войск Хлопка, погиб, однако армию Косолапа разбили (с большими потерями для стрельцов), его самого пленили и позже казнили.] был в отчаянии.

Силы стремительно утекали из него. А разбойники грамотно изматывали, особо не суясь под саблю. То ли издевались, то ли в плен взять хотели.

И тут, когда окольничий уже хотел броситься на чей-либо клинок, дабы избежать позорных пыток разбойных, из-за поворота дороги появился всадник в черном доспехе. Типичный рейтар. Их-то Иван видел неоднократно, ибо к царю Борису Федоровичу много иноземцев ехало на службу. Но да то не важно. Увидел. И больше на рефлексах крикнул:

– На помощь!

Дмитрий вздрогнул.

Этот неизвестный воин, что с трудом отбивался от грамотно наседающих повстанцев, явно кричал ему. Ну а кому еще? Стрельцам его отряда к нему не пробиться. У самих беда – вон уже два десятка на земле лежат. И это из сотни!

– Проклятье… – процедил парень сквозь зубы. Вступать в заведомо безнадежный бой не хотелось. Но и отступать как-то стало неловко. Воин он или где? И если там, в XXI веке, Дмитрий, не задумываясь, выбрал второй вариант, то здесь и сейчас он оказался к этому не готов. Стыд и неловкость. Тем более что разум охотно подыскивал ему оправдания для глупости. Ведь повстанцы, вырезав стрельцов, могут и за свидетелей взяться. Особенно за тех, кто убежал недостаточно далеко и имел что-нибудь ценное при себе.

Секунда.

Вторая.

Третья.

Дмитрий поморщился, словно от зубной боли. И пришпорил коня, атакуя. Безумие! Сущее безумие!

До врагов оставалось метров пятьдесят.

Сорок.

Тридцать.

Двадцать.

Дмитрий молча притормозил, закладывая вираж своим копытным транспортом и выхватывая из седельной кобуры основное оружие рейтара.

Бах!

Раздался первый выстрел.

Секунда. Другая. Третья.

Бах!

Раздался второй выстрел, и двуствольный рейтпистоль[8 - Рейтпистоль – тяжелый пистолет, занимавший промежуточное положение между собственно пистолетом и карабином. Назван в честь рейтаров, которые им преимущественно и вооружались.] отправился в седельную кобуру. А рука уже потянулась за следующим.

Бах!

Бах!

И второй пистолет залетает обратно в кобуру.

Дмитрий ловко разворачивается и выхватывает следующий рейтпистоль левой рукой.

Бах!

Бах!

Минуты не прошло, как внезапно появившийся на дороге рейтар сделал шесть выстрелов[9 - Дмитрий имел арсенал довольно опытного рейтара. Кроме холодного оружия в его распоряжении была легкая аркебуза, 3 двуствольных тяжелых седельных рейтарских пистолета, 2 малых легких пистолета

самообороны. Все огнестрельное оружие выполнено в едином стиле одним мастером и было оснащено довольно совершенными колесцовыми замками, сменными каморами и было нарезным. Конечно, все оружие являлось холощеным, но предельно формально, а потому легко приводилось к бою «на коленке» в полевых условиях.]. Неожиданных. Особенно для бунтарей, надеявшихся, что по такой погоде никто стрелять не станет.

А потом, видя, что круг противников вокруг командира стрельцов как-то рассыпался и пал духом, выхватил рейтшверт[10 - Рейтшверт – рейтарский меч с длинным клинком и развитой гардой.] и атаковал с короткого разгона. Все так же молча и сосредоточенно. И, надо сказать, своевременно. Коня у Ивана Федоровича уже убили. Едва успел соскочить. Самого пару раз легко ранили и совершенно загоняли. Еще бы минута-другая, и все, пришел бы ему конец. Тяжело, но привычно для воина тех лет. Для Дмитрия же этот бой был потрясением.

Как-никак первый раз не только убивал людей, но и живую плоть рубил.

Но сильно затяжной рубка не вышла. Несколько взмахов рейтшверта, и вокруг Дмитрия образовалась пустота. Ибо та часть отряда, что наседала на командира стрельцов, или полегла, или разбежалась в панике.

Кто-то от опушки что-то прокричал, махая руками и указывая в сторону рейтара.

Дмитрий, недолго думая, выхватил штуцер, притороченный к седлу, и выстрелил по очевидному командиру этого отряда. От греха подальше. Попал. Вот только не убил – пуля зацепила бедро.

Видя, что битва даже не думает утихать, а у противника все еще остается численное преимущество, Дмитрий сделал то, что первое пришло в голову. Держась дистанции, принялся перезаряжать свои рейтпистоли. Благо, что для каждого ствола было подготовлено по три запасные сменные каморы. Рейтар он или где?

Бах!

Бах!

Вновь запели рейтпистоли в его руках, скашивая наиболее крепких и умелых бунтовщиков с одного из флангов. Стрельцы же, взбодрившись, делали свою работу.

Два двуствольных рейтпистоля были заряжены. Третий – работал. А то – мало ли. Да, отдышавшийся Иван Федорович встал у стремени рейтара, прикрывая того своей саблей. Но все одно – осторожность не повредит.

Бах!

Бах!

Вновь разнеслись над лесом выстрелы, уронившие тех бунтовщиков, что пытались командовать или отличались особыми боевыми навыками.

Стрельцы взбодрились и усилили натиск!

Бах!

Бах!

Продолжил стрелять Дмитрий следующие несколько минут.

И только когда заряженные каморы к рейтпистолям кончились, он замер. Что дальше делать? Лезть в ближний бой? На фиг. Опасно очень. Уходить? Возможно. Но одна беда – командир стрельцов едва стоял на ногах, удерживаясь за стремя от падения. Стоило ли его спасать, чтобы вот так глупо бросить? Некрасиво. Да и появление рейтара, атаковавшего бунтовщиков, явно воодушевило стрельцов.

Поэтому Дмитрий выхватил штуцер и спешно его перезарядил. Ведь там, на опушке леса, кто-то пытался эвакуировать подстреленного здоровяка. Плохая идея.

Бах!

И бунтовщик в довольно дорогой одежде упал прямо на своего вождя, получив пулю в спину. Бахтерец, явно с чужого плеча, не спас его.

Снова лихорадочная перезарядка.

Бах!

И второй прилично «прикинутый» бунтовщик упал сломанной куклой.

Бах!

Но окружение вождя, очевидно, пыталось вытащить своего командира из очевидно неудачного нападения. И их оказалось гораздо больше, чем заряженных камор для аркебузы. Поэтому, понимая, что взять в плен лидера бунтовщиков не удастся, Дмитрий просто всадил еще одну пулю в VIP-а. В этот раз удачно и своевременно. Он только взобрался на небольшой пригорок при помощи соратников, как пуля разнесла ему голову, словно зрелую тыкву. Прямо на глазах у всех.

Стрельцы радостно взревели, усилив натиск.

Бунтовщики побежали.

Уж больно большими оказались их потери. А жертва, на которую расставляли капкан, оказалась не по зубам охотнику.

Дмитрий молодцевато соскочил с коня и принялся его осматривать. Животное ценное. Раны ему были совершенно ни к чему…

– Благодарю, – хрипло произнес Иван Федорович. – По гроб жизни буду обязан.

– Не за что, – с легким раздражением ответил парень, понимая, что перевел кучу хорошего пороха и свинца. Если это действительно самое начало XVII века – с этими товарами будет изрядная морока. Особенно с порохом, который в эти годы весьма поганый. Да, он спас жизни служилым людям. Но сам того не желая. На дворе ведь Смутное время, и как там дальше повернется – одной Кхалиси известно. Займешь по доброте душевной не ту сторону, и привет крепкий сук с

петлей из грубой веревки. – Кто это был?

– Разбойный люд Хлопка Косолапа.

– Тот, что у опушки пал, наверное, Косолап и есть.

– Верно. Он, – ответил командир стрелецкой сотни и протянул Дмитрию руку, – Иван.

– Дмитрий, – ответил наш герой и, чуть помедлив, ответил на приветственный жест. После чего расстегнул ремешок на шлеме и снял его.

Жарко. Перенервничал.

– Вы чего? – Напрягся Дима, краем глаза заметив, как следом за Иваном лица меняются у стрельцов в возрасте. И не только лица. Все как-то подобрались. Поднялись с земли, куда расселись дух перевести. Одежду спешно оправляют и от грязи обмахивают.

– Так… это… – заломив шапку, попытался связать хоть два слова самый старый из стрельцов.

– Причудилось что?

– Причудилось, – сглотнув комок, подступивший к горлу, произнес Басманов. – Причудилось, Дмитрий Иванович.

– Я тебе своего отчества не говорил, – прищурился Дима, нехорошо сверкнув своими ярко-голубыми глазами, ставшими вмиг жесткими и невероятно холодными. – Обознались, что ли?

– И то верно, – охотно кивнул Иван Федорович. – Обознались мы. Обознались. – И стрельцы его поддержали, закивав болванчиками.

Дима довольно хорошо знал эпоху, поэтому вся эта игра ему совсем не понравилась. Тем более что, по его мнению, на младшего сына Ивана свет Грозного он совсем не походил. Насколько Дмитрий знал, последнего удельного

князя считали черноволосым и грацильно-худощавым. Но там сложно гадать – умер-то крайне рано. Однако ничего близкого к его вьющимся рыжим волосам, большому росту и крепкому телосложению он явно не имел. Да и вообще такие игры крайне опасны, особенно в Смутное время. Ну их к лешему. Иноземец-рейтар, ищущий удачи, и точка. А если припекать станет – бежать. Он бы и сейчас уже постарался сделать ноги, да только не факт, что добежит «до Канадской границы». Местные совершенно точно посчитают его «тем самым», и дальнейшая его судьба может оказаться весьма и весьма печальной. Пошлют голубем письмо в Смоленск, и все. Финиш. Они-то местные бурьяны знают как свои пять пальцев. Не уйдешь.

Часть I

Кровь и вино

Я сам только вернулся, думал, меня ждут холодное пиво, горячий окорок, а тут – жопа…

Золтан

Глава 1

20 сентября 1603 года, Москва

Банда Хлопка Косолапа была разбита, оставив на земле свыше двухсот человек личного состава. А ведь многие бежавшие бунтари были ранены. В условиях холодного осеннего леса начала XVII века – практически приговор. Да еще и главарь уничтожен. Поэтому Иван Федорович, собрав трофеи, мог с чистой совестью возвращаться в Москву на доклад. Конечно, погонять по лесам остатки разбойников хотелось, мстя за засаду и тот страх, что пришлось испытать. Но он посчитал куда более важным делом вернуться к царю с докладом…

Уйти от навязчивого гостеприимства Ивана Федоровича Дмитрий не мог, да и не хотел. В конце концов, это выглядело бы весьма подозрительно… Кроме того, слуг у него не имелось. Вообще. А значит что? Правильно. Оставлять свое имущество без присмотра выглядело глупостью, как и бродить с ним всем, особенно в городе. Ведь только перечень вооружения[11 - Подробности смотри в приложении.] по меркам начала XVII века тянул на юного барона из весьма небедной семьи. А уж если коснуться аспекта качества, то и подавно. Такой комплект больше подходил для личных арсеналов самых богатых и влиятельных монархов Европы, чем для простого путника. И стоил невероятно много, даром что для отвода глаз был практически лишен украшений. Но опытного человека это вряд ли обманет. Бесподобный, даже для XXI века, уровень механической, термической и химической обработки снаряжения просто резал глаз. Их дополняли высококачественные ткани, сшитые по фигуре на машинке, и прекрасно выделанная кожа разных видов. И прочее, прочее, прочее.

Как на Дмитрия до сих пор не напали разбойники, он не представлял. Чудо, да и только! Одинокий путник, перевозящий на себе казну небольшого государства, чем не достойная цель для измученных голодом и нищетой банд? Как бы они потом это все реализовывали – отдельный вопрос. Но нашему герою от тех потенциальных терзаний разбойного люда было ни горячо, ни холодно.

Иван Федорович всю дорогу нет-нет да косился на своего нового знакомца. Ему отчетливо бросались в глаза удивительные особенности снаряжения этого «Дмитрия из Шильона[12 - Имеется в виду Шильонский замок в Западной Швейцарии на берегу Женевского озера. Дмитрию он просто первым вспомнился, потому что в свое время понравился. Только потом его память подсказала, что в Шильоне в те годы уже держали высокопоставленных пленников. Но отступать уже было поздно – слово не воробей. Дмитрию оставалось только надеяться на то, что в Москве никто не знает ничего про этот замок, а то уж очень многозначительно получалось.]». Стрельцы же держались подтянуто и молодцевато, спокойно воспринимая поведение этого «рейтара». Для них слишком дорогое и нарочито небогато украшенное снаряжение парня казалось вполне обычной причудой. Иван Васильевич и не так чудил.

Игру же в «обознались» они последовательно продолжали, с улыбкой смотря на то, как этот парень сам седлает своего коня и чистит оружие. «Тешится», – проносилось в их головах. Так-то попроси, все сделают. Но он хотел сам, отчего не уважить? В том, что перед ними именно царевич Дмитрий, не желающий опознания, никто из них не сомневался, уж больно он был похож на покойного

царя Ивана Грозного. Не хочет и не хочет. Что, им сложно слегка подыграть в такой малости?

Дмитрий чувствовал странность поведения служилых, но ничего с этим поделать не мог. Разве что целенаправленно играть свою роль… и пытаться более здраво продумать свою легенду, чтобы не сболтнуть первое, что придет в голову. Конечно, в здешних краях до дедукции и нормального расследования было далеко, но мало ли? Вдруг кто умный попадется и наблюдательный?

Москва Дмитрия встретила проливным дождем. Он и до того проявлял самое пристальное внимание к этому отряду. Но не суть. Главное то, что из-за излишне дурной погоды прибытие нашего героя в город прошло очень тихо и спокойно. К счастью. Ему отчаянно не хотелось выполнять возлагаемую на него судьбой роль. Слишком уж она явно пахла собственной кровью и смертью. А жить ему хотелось. Пусть в таких диких и далеких от развитой цивилизации условиях, но все-таки. Да и привыкнет. Куда деваться-то? До возможности сойти с неугодной планеты он пока не дорос.

Город не впечатлял, хотя чего-то подобного он и ожидал. Везде грязь, конские «яблоки» да потоки мутной воды с помоями и каким-то невнятным мусором. Мощеных участков практически нет. Даже бревнами. Иван сказал, что только в Кремле камнем дороги покрыты. А тут приходилось наслаждаться хлябями.

Во время прохождения по городу Дмитрий особенно остро оценил, почему в былые времена все более-менее приличные люди старались ездить верхом. Иван со стрельцами пробирались в грязи по середину щиколотки пешком, а он – восседал на своем жеребце и с жалостью на них посматривал. Утомились, изгваздались, промокли и вообще больше напоминали исхудалых боевых поросят, чем воинов. А ему – хоть бы что. Мокро только. Но четвероногий друг очень сильно облегчал его положение.

Стрельцы по пути «рассасывались», то есть расходились по своим домам. Поэтому к месту жительства Ивана Федоровича они с Дмитрием добрались вдвоем.

Тепло. Сухость. Какой-никакой, а уют. Сытная еда. Что может быть лучше? Да и баню организовали, чему наш герой особенно радовался. Практически две недели в пути не добавили чистоты телу…

Утром следующего дня дождь прекратился, и Дмитрий отправился по постоялым дворам с иноземцами. Ему требовалось подобрать себе несколько слуг. Желательно не из местных, чтобы за ними лишних ушей не было и интересов. Деньги были, пусть и изготовленные в XXI веке, но для местных – это не беда. А путешествовать в одиночку стало слишком опасно.

Иван же отправился на доклад, терзаемый смутными сомнениями.

Глава 2

23 сентября 1603 года, Москва

Царь Борис[13 - Борис Федорович Годунов (1552–1605) – 3-й царь Русского царства. Избран Земским собором после смерти Федора Ивановича (второго царя).] нервно теребил четки и напряженно вглядывался в Ивана Басманова, стоявшего перед ним. Уже три года шла молва, что младший сын Ивана Грозного жив. Так что новость о возвращении царевича Дмитрия в первый день подняла на уши весь город. Гудели все – от холопов до бояр. Думали-гадали да стремились посмотреть на «чудесно спасшегося». Благо людей, помнящих, как выглядел Иван Васильевич, хватало. А он, Борис Федорович, просто не знал, что делать.

Формально этот молодой мужчина всячески открещивался, называясь Дмитрием из Шильона. Но капитан немецкой роты[14 - Немцами на Руси в те годы называли не выходцев из Германии, а всех европейцев.] Жак Маржере[15 - Жак Маржере (1550–1619) – французский капитан, нанятый русским посланником на русскую службу в 1600 году. Борис Годунов сделал его капитаном немецкой роты – конного отряда иностранных наемников.] охотно рассказал, где находится Шильонский замок и для чего используется. Так что прояснение этого вопроса подлило масла в огонь, обостряя и без того неприятную ситуацию.

Конечно, царь мог приказать схватить этого «безродного рейтара». Но не решался, опасаясь волнений, из которых его могли вынести вперед ногами. Стрельцы, что участвовали в битве с разбойными людьми, уже разнесли по всей

Москве истории одна другой краше. Там самое малое – этот рейтар в одиночку несколько десятков разбойников положил. Чью сторону займут стрельцы? Вопрос. А бояре? Засуетились. Забегали. И было с чего. Три года стояла ужасная погода и неурожай. Свирепствовал страшный голод. Что подорвало веру населения в царя Бориса, старавшегося изо всех сил помочь народу выкарабкаться. Но тщетно. Людям было все равно. Не мог же Всевышний просто так взять и наказать Русь? За грехи великие, не иначе. О том не только простой люд уже болтал, но и сам Борис думал, задыхаясь в своей набожности.

– Так он отказывается признавать себя царевичем? – наконец хмуро спросил царь.

– Да, государь. И злится, когда к нему так обращаются. Когда я назвал его Дмитрием Ивановичем, то он взъярился и заявил, что отчества своего он мне не называл. Да так посмотрел, что, думал, убьет.

– Какой он с виду? – после небольшой паузы поинтересовался Борис Федорович.

– Высокий. Меня головы на две выше. Телом поджарый, крепкий. Волос на голове густой, вьющийся, темного рыжего цвета. Хотя, когда мы встретились, борода едва отросла – неделя от силы. Брил, видимо. Глаза голубые. Когда злится, они становятся необычайно холодными и колючими, словно на смерть свою смотришь. Нос прямой, длинный, тяжелый. Челюсть выдающаяся вперед, мужественная. Губы полные с опущенными уголками, будто чем-то недовольные.

– А нравом? – поинтересовался патриарх Иов[16 - Патриарх Иов (1525–1607) – 1-й патриарх Русской православной церкви (с 1589 года).], узнавший, как и Борис, в описании Ивана Васильевича. Очень уж характерная внешность.

– Скрытен. Умен. Образован. Обычно спокоен и наблюдателен, но иногда обуреваем гневом, который старается сдерживать. Явно прибыл издалека. По-нашему говорит свободно, но чудно. Много слов немецких вставляет.

– Почему один ехал? – подозрительно прищурился патриарх.

– Разбойники слуг его побили. Сам еле отбился.

– Католик али протестант?

– Так нет, наш, православный. Спрашивал. Он мне и «Символ веры», и «Отче наш». Подивился я.

– И крест тельный видел?

– Как париться пошли, так и увидел. Золотой, дивной чеканки[17 - Золотой крестик был долгое время символом высокого статуса либо принадлежности к старшим чинам духовенства. Особенно на золотых цепочках. И дело не столько в доступности, сколько в символическом значении.]. Хотя камней цветных на нем нет. Цепочка тоже золотая и тонкой работы. Никогда ничего похожего не видел. Очень искусно. – Дмитрий носил тот крестик в дань памяти бабушке, которая, в отличие от него, была действительно верующим человеком. От нее и молитвы некоторые запомнились. Арина Владимировна, пожалуй, была единственным человеком в жизни, которого Дима по-настоящему любил, пусть и посмертно. А потому не пожалел отцовских денег на действительно красивую памятную вещь о бабушке.

– Хм… – еще сильнее нахмурился царь. То, что говорил окольничий, ему совсем не нравилось. Как и данное ранее описание действительно дорогого снаряжения. – Перстни или еще что носит?

– Да, – чуть задумавшись, произнес Иван, – у него есть один золотой перстень. Небольшой. Весьма искусно изображен единорог[18 - Единорог в традиционной геральдике изображался, как лошадь с рогом во лбу. Единорог был личным гербом Ивана Грозного и до второй половины XVII века фигурировал на государственных печатях (Иван IV, Борис I, Михаил I, Алексей I), а также изредка на монетах, где он заменял Георгия Победоносца, символическое значения которых в те годы на Руси было общим.].

– Надписи? – оживился патриарх.

– Не было никаких надписей, – сказал Басманов и задумался, пытаясь вспомнить подробности перстня. Тот на двадцать один год подарил Дмитрию настоящий отец. Наш герой тогда уже занимался исторической реконструкцией, поэтому папа угадал с подарком – перстень был не только красив, но и отлично подходил на роль личной печати. Правда, как обычно, перегнул палку. Мог бы и серебром

ограничиться. Золотом в таких случаях пользовались только высшие аристократы Европы. Впрочем, Дмитрий его все равно носил из-за красоты. Строгий, аккуратный, изящный.

– Еще, – потребовал царь.

– Да и все вроде, – пожал плечами окольничий. – На нем иного не видел. Хотя, возможно, что в сумках с поклажей есть.

– А шрамы, – вдруг оживился патриарх Иов. – Если ли у него какие шрамы?

– На шее, вот тут, – показал Басманов, – есть старый шрам. Словно его кто-то зарезать пытался… – сказал Иван и осекся, увидев, как царь вздрогнул и побледнел, ужасаясь. Но оно и понятно – люди сами все придумают, им ведь никогда не нужна истина. Они предпочитают удобные сказки, подходящие под конъюнктуру. Молва и раньше приписывала Борису попытку убийства царевича, сейчас же просто завопит, уж очень заметный и характерный шрам.

Откуда шрам? Так в раннем детстве, гостя у бабушки в Угличе, Дмитрий умудрился запутаться в леске во время одного из своих променадов к Волге. Глубоко порезал шею. Пришлось накладывать швы в местной больнице. А времена были лихие, кто не пил, тот закусывал. Вот и наложили швы так, что остался неприятный шрам длиной сантиметров в десять. Только вот незадача, всем подряд о том не поведаешь. Да и порез тогда получился очень уж нехарактерный для лески. Впрочем, истинная природа появления шрама в этом мире никого не интересовала.

Глава 3

25 сентября 1603 года, Москва

Дмитрию требовалось поддерживать образ православного человека, то есть посещать церковь. Хотя бы раз в неделю. Поэтому, выбрав небольшую церквушку на отшибе, он туда и наведался в неурочное время. Просто

помелькать да подумать в тишине. Взял свечку. Зажег. Да встал в уголке, разглядывая убогую роспись на стенах.

Бардак в его голове творился изрядный.

Москва кипела и бурлила. Даже его двое слуг, баварец и миланец, и те ходили, нос задравши. По идее, нужно было уходить. Срочно. Каждый день все только усугублял. Но он не мог. Прохожие на улицах смотрели на него, словно на мессию. Ему просто было стыдно их подводить. Но и делать ничего он не мог. Идти поднимать стрельцов да Кремль штурмовать? До такого фимоза головного мозга он еще не дожил. Отбить-то отобьют. Но что дальше? Дмитрию хватало ума, чтобы понять – монарх с такой мутной легитимностью долго не усидит. Нет, способы он знал. Только вот беда – все они вели к тотальному разрушению России. Безудержной дворянской вольнице, интервенции и так далее. Хороший размен, ничего не скажешь. Взять тех людей, что на улицах с надеждой на него смотрели, и убить. А тех, кто выживет, вогнать в полное ничтожество и совершенную, безысходную нищету. Как он потом жить с этим станет?

С такими мыслями Дмитрий простоял, наверное, час или около того, пытаясь понять – что делать дальше? Он так погрузился в себя, что даже не заметил, как из церквушки исчезли совершенно все люди, даже служки…

Патриарх Иов медленно вошел в церковь. Семьдесят восемь лет – немалый возраст. Да и волновался он. Как прибежал служка и сообщил о том, куда и как забрел этот «Дмитрий», то сразу же решился. Сел в коляску да поехал, боясь не успеть. Говорить с этим самозванцем было совсем не обязательно, но взглянуть хотелось. Самозванцем. Да. В этом Иов был абсолютно убежден. Он-то был у гроба покойного царевича… Однако когда патриарх приблизился к отстраненно стоящему мужчине, то невольно вздрогнул и побледнел. Ему показалось, словно сам Иван Васильевич восстал из мертвых, помолодел и предстал перед его очами. Стало больно и стыдно. Вспотели ладони. По спине пробежал холодок нервных мурашек. А ноги предательски затряслись. Ведь он был среди тех заговорщиков, которые продвигали Бориса Годунова на царство. Даже через труп Федора Ивановича, законного наследника Ивана Грозного. И грехов на нем в тех делах – без счету…

Вдруг этот молодой мужчина словно бы очнулся и, поведя взором, наткнулся на патриарха, стоявшего враскорячку с испуганным видом. Ну а как ему еще стоять? Ноги-то поплыли. Посох едва позволял удерживать равновесие.

– Кто ты, старче? – произнес Дмитрий.

– Я… зови меня отец Иов, – собравшись с духом, произнес патриарх.

– Почему ты боишься меня?

– Ты… очень похож на…

– Да-да. Знаю. Похож. Мне уже все уши прогудели. Но и что с того?

– Как что?

– Зря я вообще сюда приехал, – фыркнув, произнес Дмитрий и отвернулся к алтарю. – Хотел же ехать в Испанию. Наниматься в экипаж конкистадоров. Ехать завоевывать Новый Свет. А тут… не выдержал. Любопытство взыграло.

– Так ты не Дмитрий?

– Меня действительно зовут Дмитрий Иванович. Но тот ли я Дмитрий, о котором все говорят, – я не знаю. Своего детства не помню, – начал загонять свою легенду наш герой. – Словно корова языком слизнула. Первое воспоминание – руины замка Штауфен и дикая головная боль. Она долго меня мучила, отпустив только спустя девять лет.

– Совсем ничего не помнишь?

– Совсем. Кроме языка. Но и с ним, как я понял, не все ладно.

– Странно, – произнес, пожевав губы, патриарх. – Но ты удивительно похож на Ивана Васильевича. Я его хорошо знал. Как увидел – обомлел.

– Грешен перед ним? – не оборачиваясь, спросил Дмитрий. – Иначе чего бы тебе меня бояться? Мне казалось, к тебе, патриарх, он был весьма благосклонен. Привечал. Поднимал и возвеличивал. Соратником своим считал.

– Я… нет, что ты… но… откуда? – сумбурно произнес Иов.

– Видишь – в церкви все ушли. Куда, а главное, зачем? Тут не нужно большого ума, чтобы понять, – освободили место для разговора с глазу на глаз. Значит, фигура, которая желает пообщаться, высокого полета. Ты стар и зовешься Иов. Это духовное имя нашего патриарха, который слыл верным сподвижником Ивана Васильевича. Как в опричнине, так и вне ее. Сам скажи – много ли в Москве людей в сане, что смогли бы попасть под это описание?

– Что ты намерен делать? – после долгой, вязкой паузы спросил Иов.

– Не знаю. Сюда подумать и пришел. Все, что приходит в голову, заканчивается либо кровью, либо большой кровью. Ну и в большинстве исходов я гибну молодым и красивым. Что, как ты понимаешь, не есть предел моих мечтаний.

– Поделишься? – прищурившись, поинтересовался патриарх без всякой, впрочем, надежды.

– Почему нет? Я давно не был на исповеди. Засчитаем за нее. Хотя царю можешь и рассказать. Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку.

– Не богохульствуй!

– Начнем с того, что я действительно не знаю, тот ли я Дмитрий. Насколько мне известно, младший сын Ивана Васильевича был в мать – черен волосами, худощав, изящен и невысок. Должен был таким вырасти. Да и глаза имел карие, а не голубые. Почему меня считают «тем самым», я не понимаю. Допускаю, что я действительно сын Ивана Васильевича, но в этом случае, скорее всего, я бастард.

– Откуда у тебя столь дорогое снаряжение?

– Иван уже рассказал о кресте и перстне?

– Да.

– Их мне отдали, когда я был еще совсем маленьким. Сказали, от моего отца. Действительно ли, мне неведомо. Но ношу. В конце концов, это единственный кусочек моего прошлого. Очень сложно, я скажу тебе, жить, не зная, кто ты и

откуда.

– А кто тот щедрый благодетель?

– Не знаю. Рядом со мной всегда были наставники. Языки, науки, фехтование и прочее. Того, кто выделял на все это деньги, я так и не узнал. Он предпочитал оставаться в тени. Всю жизнь я путешествовал, редко задерживаясь на одном месте. Объездил практически всю Европу. Разве что в Польшу и восточнее никогда не заезжал. Мои наставники умышленно держали меня в стороне.

– Тогда как ты смог добраться сюда? – заинтересовался патриарх.

– Мне помог случай. Во время одного из переходов на наш отряд напали. Остались только трое слуг да я. Вот и решил сбежать, ибо бесконечная учеба мне надоела. Зачем и для чего меня готовили? Почему втайне? Из-за чего держали в православии? Хотя, я убежден, в детстве могли спокойно крестить в ту веру, какую считали правильной.

– Это те трое слуг, которых убили позже?

– Да. Так я остался совершенно один. В Литве, недалеко от Смоленска.

– А зачем в Москву шел?

– Я хотел посмотреть на земли, в которых родился. Пусть и для того, чтобы их покинуть навсегда. Уверен, что тот, кто держал меня в почетном плену, уже рыщет. Он потратил на меня столько денег не просто так. Здесь, в Московии, его люди объявятся довольно скоро, так что задерживаться мне не хотелось бы.

– Почему же ты до сих пор не уехал?

– Если бы это было так просто, – покачал головой Дмитрий и повернулся. – Отче, ты хоть понимаешь, какая помойная жижа тут у вас бурлит? Вдумайся. Вот приехал я – безвестный рейтар. Не успел к Москве подойти, как оплот державной власти – стрельцы – уже меня законным наследником признали. Это же ни в какие ворота не лезет! Держава по швам расходится. Уеду. И что будет дальше? Любой желающий выйдет на площадь и назовется царевичем

Дмитрием. И ему поверят! А будет ли он думать о последствиях своих поступков? Вряд ли. Убьют болезного? Так новый выкликнет. И ему тоже поверят.

– Почему ты считаешь, что ему поверят? – прищурился патриарх. – Ты-то поразительно похож на Ивана Васильевича. А если кто будет не с таким сходством?

– И много меня видело людей? – усмехнулся Дмитрий. – Людям нужен символ надежды на лучшую жизнь. Так что они станут цепляться даже за бесформенные тени.

– Хм. А почему ты не хочешь выдавать себя за царевича?

– Во-первых, я не знаю точно, он ли я. И вряд ли узнаю. Во-вторых, жаждать власти в Русском царстве в эти годы может только безумец. Тяжелая война Ивана Васильевича привела к опустошению земель. Кто же знал, что за Ливонию встанут столькие? Опричнина угасла. Бояре, разрывающие державу в междоусобице, подняли головы и расправили плечи. И вновь пух с перьями полетел от изможденной двухголовой куры, терзаемой стаей лисиц. Умер Федор Иванович. Слабый и бездеятельный. Борис Федорович… – медленно произнес Дмитрий. – Какой бы он хороший ни был, что он может? Да и любой на его месте. Выбранный Земским собором наш царь не обладает должными властью и влиянием. Атаман у разбойников и то державней. Вот – даже со мной ты пришел говорить, а не отряд стрельцов. Он уже не верит собственным людям. И это он – законный царь, венчанный честь по чести. А ты представь, что будет, если кто-то, как вор, через бунт прорвется на престол? Бояре совсем стыд потеряют, начнут разрывать царство на куски. Какие угодно, лишь бы они там главными оказались. Речь Посполитая, Швеция и Крымское ханство тоже постараются отхватить от державы свои доли. Да побольше. Да повкуснее. Мечтая разделить все между собой. Гиреи[19 - Гиреи – правящая династия в Крымском ханстве в те годы.] отлично показали свои интересы. Думаешь, их династия ныне желает иного? А дом Ваза?[20 - Ваза – правящая династия в Речи Посполитой и Шведском королевстве в те годы.] Вот и получается. Уйду – плохо. Останусь – плохо. Умру – тоже плохо. Выживу – не лучше. Как ни поверни – везде беда. Наверное, тот человек, что стоял за моим обучением и воспитанием, был прав. Нужно было держаться от Русского царства подальше. Видишь, что получилось? А ведь я только пришел сюда. Словно проклятый… – сказал Дмитрий, замолчал и отвернулся.

А патриарх, пораженный этими словами от весьма молодого мужчины, постоял немного, да и пошел на выход. Ему было душно. И страшно. Потому что все сказанное выглядело уж очень реально.

Глава 4

26 сентября 1603 года, Москва

– М-да… – произнес Борис Федорович, устало потер виски, недовольно поглядывая на патриарха, завершившего пересказывать беседу с «рейтаром». Сокращенно, разумеется, без лишних подробностей. – И что, получается, он тот самый Дмитрий? Ты же был у его гроба.

– Ты не хуже меня знаешь, что в той истории все очень странно. Тело к приезду Шуйского с помощниками уже погребли под предлогом тления. Дескать, жарко и пахнет сильно. Гроб был. Труп был. Но кто конкретно там лежал, достоверно не известно. Почти все, кто входил в ближний круг царевича, умерли. Быстро. Кто в тот же день, кто в течение недели. Твоих людей, что ты посылал с… хм… деликатным поручением, тоже перебили. Сами же они так глупо не поступили бы. Задумали же ядом травить. Никто бы ничего и не узнал. А тут такая несуразица…

– То есть ты полагаешь… что?

– Это не исключено. Сам я юного царевича видел только мельком. Он был неинтересен. Признаться, не вспомню ни цвета волос, ни глаз. Однако в любом случае кровь Ивана Васильевича в этом муже явно имеется. И, в отличие от Федора, Дмитрий удался на славу. Даже внешность его не так перекошена, как у старшего брата. Нос прямой, глаза и спина не скособочены. Вышло лучше, чем у отца.

– Интересно… – произнес Борис, вставая и прохаживаясь. – Кто же этот благодетель, что столько лет обучал и воспитывал «подрастающее поколение». А главное – для чего?

– Мне кажется, что это кесарь[21 - Речь идет об императоре Священной Римской империи Рудольфе II, правящем с 1576 по 1612 год.].

– Рудольф?

– А кто еще мог это сделать?

– Мог. Верно. Но зачем?

– Волнения в царстве не стихают долгие годы. Возможно, он хотел подождать подходящего момента. Женил бы на дочери, давая в приданое войско папистов с великим множеством ксендзов. И сел бы Дмитрий в Москве. Вроде Рюрикович, но без армии Рудольфа – никто. Верный. Податливый. Удобный.

– Возможно, – буркнул Борис Федорович.

– А больше и некому, – развел руками патриарх. – Все остальные либо бедны, либо им нет никакого дела до нас. Та же Франция или Испания. Что мы им? Очень далеки. Хотя могли бы при желании.

– Кстати, не люди ли кесаря мутят воду в Москве? Хм?

– Сегодня же начну выяснять, – серьезно ответил патриарх, коря себя за то, что раньше не отдал очевидный приказ.

Глава 5

26 сентября 1603 года, Москва

Дмитрий медленно смещался по влажной земле улицы, стараясь не упускать из вида врагов. Перед ним были три казака. Четвертый корчился, валяясь в стороне. А он, выставив перед собой шпагу[22 - Шпаги не нужно путать с

современными спортивными рапирами-прутиками. Первые боевые шпаги появились в XVI веке, являясь, по сути, обычными мечами с развитой гардой для удобства применения сложных техник фехтования. Таковыми они и оставались до XVIII включительно, совершенствуясь и прогрессируя.] с дагой[23 - Дага – вид кинжала.], пытался унять волнение и сосредоточиться на поединке.

Вчера вечером он имел очень неприятный разговор с представителем Московской торговой компании англичан. Поначалу-то тот пытался обещаниями и красивыми словами подвигнуть Дмитрия на бунт. Дескать, тому только и нужно, что выйти на площадь да призвать народ. Все остальное они сами сделают. Конечно, не бесплатно. Его, видите ли, тяготило то, что царь Борис не расширил привилегии англичан, которые были «недостаточными и просто оскорбительными» для «честного» торгового люда. Но «безродный рейтар» не внял его словам. Даже посмеялся, поинтересовавшись, не с ирландцами[24 - В те годы в Ирландии англичане устроили фактически апартеид, удерживая его более трех столетий и совершенно вогнав ирландцев в ничтожество, грабя, убивая и безжалостно эксплуатируя.] ли тот московитов перепутал? Тогда сей знатный гость торговый перешел к угрозам. На что Дмитрий пообещал сдать нечестивца прямо в руки разбойного приказа, притащив за шкирку.

Англичанин от таких заявлений совсем чувство меры потерял и самосохранения. Начал махать руками. Брызгать слюной. Да и вообще вести себя невоспитанно. Так что Дмитрию пришлось прописать болезному несколько «отцовских лещей». Исключительно в лечебных целях. Не то чтобы у Димы был хорошо поставлен удар, но «двоечка» зашла знатно: левый кулак – в зубы, а правый – в ухо. Да с разворота. Видно, не готов был англичанин к такому формату беседы. Сразу перешел в позицию «партер». Вот наш герой и не сдержался, добавив по афедрону сапогом. Уж больно это напрашивалось само собой.

А утром появились эти кадры.

Выскочил из лавки на крики. А тут вот они. Слуг уже зарезали. Стоят, его ждут. И скалятся гадко.

Если бы напали с ходу – тут бы и конец. Но нет. Переоценили свои силы.

Дмитрий же их удивил. Да и дестрезы[25 - Дестреза – испанская техника фехтования. Основные движения во время боя построены на аспектах логики и

геометрии. Истоки дестрезы относятся к 1569 году, так что на Русь в 1603 году техника еще не пришла даже в теории. Да и развита была очень скудно. Долгие годы была самой совершенной везде, где требовалось индивидуальное мастерство боя, прежде всего для дуэлистов (бретеров) и наемных убийц. На принципах, близких к дестрезе, выстроены многие виды современного ближнего боя. Дмитрий же изучал дестрезу в ее наиболее развитом и совершенном виде, вобравшем в себя немало приемов и тактик главного конкурента – итальянской школы.] они не знали. Вот первый и попал впросак, потеряв удобный момент. Оставалось решить, что делать с этими тремя, кружащими с ним в танце.

Конечно, с техникой у них полный швах. Это было видно даже невооруженным глазом. Да и кто их тут толком учить станет? Бандиты и разбойники, коими в те годы были казаки практически поголовно, редко когда особыми боевыми навыками отличались. Пытливостью? Да. Находчивостью? Безусловно. Способностью искать нестандартные пути? А как без этого? Одна беда – боевого опыта у этих наверняка вагон и маленькая тележка. Что крайне опасно.

Потихоньку собирались зеваки. Не каждый день на улице такие поединки.

Дмитрию было очень тяжко.

Да, теорию боя против нескольких противников он знал хорошо. И кое-какую практику учебных поединков имел. Но опыта реальных столкновений такого рода – ноль. Поэтому полностью ушел в глухую оборону, лихорадочно пытаясь найти выход из сложившейся ситуации.

Казаки явно озлобились. Гибель товарища в их планы, очевидно, не входила. Задавить щенка, и вся недолга. А он взял и зубы показал. Скотина.

Но опыт не позволил им сразу броситься бездумно на своего противника. Вместо этого они закружились с ним в танце, стараясь компенсировать проблемы с тактикой скоординированного боя. Если атака, то с двух сторон. Оттеснение. Стремление всячески ограничить подвижность этого удивительно резвого трупа.

Сколько они так прыгали – неизвестно. Однако запыхались все знатно. Впрочем, значительно лучше тренированный и здоровый организм Дмитрия выдерживал эту нагрузку куда как проще…

Хосе прожил непростую жизнь.

Сын простого рыбака из деревушки под Барселоной чудом оказался на настоящем боевом корабле. Простым юнгой. Всего за пару лет обзавелся опытом, навыками и уважением сослуживцев. Потом проклятый поход Непобедимой армады. Шторм. Гибель корабля. Как он тогда доплыл до берега – он не знал. Чудо. Не иначе. Наем в пешие полки испанского короля, стоявшие в Нидерландах. Кампания. Ранение. Плен. Снова служба. Уже императору Рудольфу. Вербовка русским посланником. И вот он здесь, уже который год на службе у царя. Сначала у Теодора, теперь у Бориса.

И вот, выехав из-за поворота кривых улочек Москвы, он со своими приятелями с удивлением заметили драку. Да какую! Не на кулаках, как здесь бывало. А с клинками наголо. Троица совершенно бандитской наружности грамотно наседала на хорошо одетого одиночку. Тот неплохо держался. Очень неплохо. Какой стиль!

– Эй! Что здесь происходит? – громко крикнул Хосе по-русски, стараясь привлечь к себе внимание. С сильным акцентом, разумеется. Не избавился пока. Рыжий незнакомец благоразумно не стал поворачивать голову на окрик. А лишь, улучив момент, мазнул взглядом, смещаясь в своем смертельном танце.

– Это наемные убийцы! От англичан! – выкрикнул Дима на немецком языке.

Англичан Хосе не любил. Вообще. Тут и презрение их веры. И покровительство старой королевы пиратам. И стыд за тот страх, что он испытал тогда, во время вынужденного купания в Ла-Манше.

– Вот зараза! – воскликнул старый приятель Хосе, Густав, служивший с ним в роте господина Маржере. – Что будем делать?

– Драться, – оскалился Хосе, спрыгнул с лошади и, выхватив свой клинок, пошел на помощь незнакомцу. Его приятели двинулись следом – на англичан им всем было плевать. Но наемных убийц не любили. Их никто не любил.

Это и решило исход сражения.

Казаки растерялись от желания включиться в драку «немчин государевой службы». Потеряли темп. Дмитрий же, уставший уже от этого смертельного танца, без малейшей жалости воспользовался моментом.

Раз! И казак, атаковавший без согласования с коллегами, безмолвно валится на землю. Дага поймала саблю, отвела в сторону захватом, а шпага красиво вспорола жертве горло. До позвоночника. Все-таки испанский стиль предполагал рубящие удары, для которых боевая шпага вполне подходила.

Два! И второй казак, попытавшись исправить свою оплошность, был пойман контратакой в классическом итальянском ключе. А кончик пламенеющего клинка[26 - Пользуясь отцовскими деньгами, Дмитрий был при шпаге с пламенеющим клинком – дорогим и статусным оружием, наличие которого не сочеталось с образом «бедного рейтара». Но Дмитрий не мог отказать себе в этой слабости.] шпаги показался у бедняги со спины.

До третьего дотянуться Дмитрий уже не успел. Его убил Хосе, обычным кошкодером[27 - Кошкодер – одноручный меч, типичное оружие ландскнехтов для ближнего боя.], которым владел отменно. Научился, на службе у Рудольфа.

– Славно! – воскликнул Густав, видевший весь бой.

– Благодарю, – также на немецком ответил Дмитрий, чуть кивнул всем пяти «немчинам», что ринулись ему на помощь.

– Почему они на вас напали? – поинтересовался Хосе.

– Вчера я набил морду английскому купцу, который подбивал меня на бунт против царя. Он, вероятно, обиделся.

– Ха! – выразил свое одобрение Хосе.

– А тебя не Деметрий зовут? – подозрительно прищурился Густав, вспоминая разговоры, которыми натурально гудела вся Москва.

– Так и есть, Дмитрий, – произнес тот и замолчал.

Повисла вязкая тишина.

Наемники вдруг поняли, КОМУ они пришли на помощь и что вообще здесь происходило. Тела убитых слуг дополняли образ. Слова же Дмитрия совершенно выбили их из колеи. Как так? Получается, что это англичане готовили бунт против царя?

Наш герой тяжело вздохнул, вытер оружие об одежду убитых и направился к своему коню. Начал проверять рейтпистоли и пуфферы[28 - Пуффер – легкий вариант пистолета, ходил параллельно с рейтпистолями.]. Да и вообще готовиться к серьезному бою. На слуг же своих даже не взглянул. Ему было тошно от сложившейся ситуации. Конечно, было бы разумно собрать с тех ценности, выданные им же. Не та эпоха, чтобы вот так глупо транжирить. Но он просто отмахнулся от этой мысли. Спустить сейчас эту выходку и убежать? Можно. Но куда? Все мечты о далеком Новом Свете в одночасье поблекли. Он вдруг понял – никуда ему отсюда не деться. Умрет, и вся недолгая. Помучившись немного да подивив народ. Не англичане, так царь. Не царь, так поляки…

– Мы можем вам помочь? – наконец нарушил тишину Хосе, после того как Дмитрий вскочил в седло своего гольштинца.

– Я еду умирать, – безразлично ответил он. – Этих убийц наняла торговая компания. Сколько смогу – убью. Всех. Без разбору. Для людей, что попытались отплатить черной неблагодарностью державе, принявшей их добром и лаской, иного наказания и быть не может. Там и умру. Либо сразу. Либо от ран. Либо на выходе стрельцы застрелят.

– Позвольте мне с вами, – после секундной заминки произнес Хосе. – У меня тоже есть вопросы к англичанам.

На самом деле все было намного сложнее. С одной стороны, у Хосе действительно было что спросить с англичан, и, если этот Деметрий прав, то предотвратить заговор – его прямая обязанность. С другой стороны, если он врет и сам воду мутит, то его обязанность – защитить английских купцов и арестовать или убить Дмитрия. Ведь у царя, которому он давал клятву, был договор с англичанами. И как бы все ни выглядело, он как человек, живущий с клинка, обязан был держаться долго. Предаст? И что дальше? Свои же потом и прибьют. Наемники к предательствам относились очень серьезно. Кто их

наймет, если их слову нельзя верить? В общем, Хосе решил, что на месте разберется.

– И мы с вами, – встрял Густав, кровожадно улыбаясь. Он, как и все остальные «немцы», все понял. Разбираться нужно на месте. Тем более если этот Деметрий прав, то это дело становится крайне выгодным. Биться плечом к плечу с человеком, которого практически вся Москва считает царевичем, очень почетно. Разве он забудет тех, кто ему помог в сложный момент жизни?

Дмитрий внимательно посмотрел на этих мужчин и задумался. А почему, собственно, и нет? Опытные рубаки. При оружии.

– Тогда выступаем немедля. Наверняка кто-то наблюдал за выполнением заказа. Мальчишка или зевака прохожий. Он, увидев провал нападения, побежал докладывать. Дорога каждая секунда. Ибо пока они не ждут нападения. Удивим их своим визитом.

– Выступаем! – хором ответили бойцы.

– А ты, – грозно произнес Хосе, обращаясь к владельцу лавки, что робко выглядывал из приоткрытой двери. – Все здесь соберешь и подготовишь к погребению. И не дай бог пропадает хотя бы иголка! Кожу сдеру!

Глава 6

26 сентября 1603 года, Москва

Когда ехали к подворью Московской компании, бойцы немецкой роты пытались решить дилемму: что делать? Но все разрешилось само собой.

Уже на подъезде к подворью кто-то заорал истошном голосом:

– Он жив! Жив!

Следом за этим из ворот подворья выскочили два казака с пищалями и немедля жахнули в Дмитрия. Одна пуля попала ему в кирасу, но оставила на ней только едва заметную вмятину. Наемники ахнули! Такие доспехи стоили целое состояние!

Дмитрий, удержавшийся в седле за счет высокой спинки, зарычал и, пришпорив коня, устремился вперед.

Секунда.

И немцы, выхватив клинки, бросились за ним. Ошибка оставалась возможной, но присутствие на подворье честных торговцев бандитов выглядело диагнозом.

– …мать! – Дмитрий издал традиционный боевой клич русских. И вломился во двор, где казаки пытались спешно перезарядить пищали.

Взмах рейтшверта.

Еще взмах.

Тела, защищенные лишь тонкими тряпками, охотно поддались натиску крепкого клинка из легированной стали.

Слуги с криками бросились куда-то в глубину помещения. Мгновение спустя во двор влетели немцы. Но дверь внутрь крепкого терема уже затворили и подперли изнутри. Ломать можно до второго пришествия без должного инвентаря.

– Что будем делать?

– Выбивать! – прорычал пребывающий в ярости Дмитрий. – Хватайте бревно! Да. Это. Давай! Не к двери! К окну. Да! Да! Вышибайте ставни!

Бах! Бах! Бах! Бах!

Отработали рейтпистоли в пробитое окно, вызвав внутри помещения вой и матерные тирады.

Бух!

Кто-то изнутри выстрелил из чего-то длинноствольного.

Бах! Бах!

Ответил Дмитрий из третьего рейтпистоля.

Заглянул внутрь.

Тихо. Ну как? Все, кто мог сражаться, – отошли на второй этаж и теперь там спешно городили баррикаду. Остальные стонали на полу или лежали безучастными трупами.

Дмитрий взял в руку пуффер и рывком проскочил в окно[29 - Размер окон в те годы – признак статуса. Крестьяне могли вообще окон не иметь или довольствоваться «бойницами». В то время как Московская торговая компания англичан была в Русском царстве самым богатым торговым домом. И дом имела с подходящими для такого положения окнами.]. Продвинулся вперед. Занял позицию. Достал второй пуффер.

Влезший за ним Хосе разблокировал дверь, пуская остальных.

Быстро добили раненых.

Передав пуфферы Густаву, Дмитрий принялся перезаряжать рейтпистоли. Их главное ударное оружие. Мощное и крайне эффективное. Особенно накоротке.

– Эй! – крикнул Дмитрий. – Сдавайтесь!

– Иди к черту! Выродок!

– Я сдам вас в разбойный приказ! Чего вам бояться? Попытают немного да повесят.

– Да кто тебя слушать будет!? Дурак! Мог бы царем стать! А так – сдохнешь, как собака! Мы уже послали за подмогой. Скоро подойдут и перебьют тебя и твоих прихлебателей!

На что Дмитрий хмыкнул и пожал плечами. Дескать, и такое может быть. А наемники окончательно убедились в том, что этот парень не врал.

– Что делать будем? – тихо спросил Хосе.

– Выкуривать этих сидельцев. Закрыть ворота! Если к этим подойдут казаки, будет туго. От десятка легко отобьемся. А вот если полусотня нагрянет – беда.

Хосе кивнул. И сразу два немца бросились к воротам.

– Так, – продолжил Дмитрий. – Расчищайте пол. Нужно ничего не сжечь лишнего.

– Сжечь? – удивился Густав.

– Пожар – дурная идея в деревянном городе. Мы на земле гнилушек навалим и подожжем. Дыма много. Огня мало. Но этим, – кивнул он наверх, – хватит. И да. Нужно зарядить пищали тех казаков. Все зарядить. Как полезут – поохотимся!

Наемники приободрились.

Хороший план. И брюхом на клинки лезть не нужно.

Сказано – сделано.

Однако минут через десять пришлось прерваться. За воротами послышался топот. И кто-то заколотил в створки со всей дури. Минута. Другая. И над сплошным забором показалась первая голова казака.

Бах!

Дмитрий с такой дистанции из штуцера не промахнулся. Голова разлетелась как спелая тыква.

С той стороны затихли.

Минуты две спустя с дальнего края забора аккуратно выплыла еще одна голова с чубом.

Бах!

И ее постигла та же участь.

Вновь затихли. Разве что бегали туда-сюда. Явно готовились к чему-то.

Дмитрию это совсем не понравилось. Он оттянул своих людей на первый этаж терема. Заблокировал дверь. Подпер баррикаду, идущую на верхние этажи, со своей стороны. И приготовился к отражению общей атаки. Великого ума не требовалось, чтобы понять – лестницы ищут, чтобы махом перевалить и взять в сабли. Судя по топоту, там десятка три человек или четыре. Может, больше.

– Вот и все, – тихо произнес Дмитрий, усмехнувшись. – Повоевали. – А потом громко: – Эй, люд лихой!

– Чего тебе? – ответили ему спустя довольно долгую паузу из-за забора.

– Сколько эти христопродавцы вам дали?

– Хочешь дать больше? – со смешком поинтересовался тот же голос.

– А может, один на один кто со мной? А? А потом по домам?

– Мы уже знаем, что ты хорошо железом машешь. Тут разве что пятеро на одного.

– По очереди? – нервно хохотнул Дмитрий.

– Пожить хочешь? – поинтересовался с той стороны новый голос.

– Да куда мне, – фыркнул Дмитрий. – Не вы – так кто другой. У меня теперь каждая кочка во враги метит. Кто зипун с меня содрать хочет, кто – кровь пустить. Такие долго не живут!

– А чего отказался народ подымать? – после долгой паузы с той стороны спросил уже третий голос. Хриплый до такой степени, будто наждачкой по ушам гуляли.

– Ради чего? Ради этих жирных задниц?

– Так венец же царский наденут! – воскликнул какой-то молодой парень. – Люд тебя поддержит! Казаки поддержат!

– Святая простота! – воскликнул Дмитрий. – Словно дети, ей-богу! При чем тут люд да казаки? Кто воду мутит? Кто выгоду великую для своей мошны замыслил? Вон даже вас мерзость всякая нанимает. Неужто не понимаете? Или и правда хотите всю Россию в крови утопить? Чтобы брат на брата? Отец на сына? Вперед! Только крест снимите! Не позорьте! А я так не могу. Лучше самому сдохнуть!

Наступила тишина.

С той стороны напряженно перешептывались. Не понравился им ответ.

Как бы там дело обернулось, не ясно. Однако спустя минуту на всю улицу разнеслось истошное:

– Стрельцы!

Потом десятка два выстрелов. И топот множества ног и копыт. Крики. Удары клинков.

Минуты через две в ворота громко постучались.

– Откройте! Именем государя! Откройте!

Дмитрий кивнул ближайшему немцу и тот, убрав оружие, вылез через окно и, разблокировав, раскрыл ворота. За ними стояли стрельцы. Много. Очень много. С

полсотни только проглядывалось. А, судя по шуму, там и две сотни не удивят.

– Чего надо? – крикнул Дмитрий, подождав, пока его немец отойдет с линии огня. Наемники, очевидно, со стрельцами воевать не стали бы. Но те могли. Сам же он встал в окне в полный рост, чтобы его видели.

– Государь приказал задержать тебя, твоих людей и англичан, коли живых застану, – произнес незнакомец в довольно дорогом «окладе».

– Кто таков?

– Окольничий Иван Иванович Годунов[30 - Иван Иванович Годунов (убит в 1610 году) – дальний родственник Бориса Федоровича Годунова (четвертое колено, племянник).].

– Своих людей не сдам.

– Я не могу их отпустить, – нахмурился Иван. – Приказ царя.

– Я за все ответственен. Мне и отвечать. Ты отпустишь их.

– Не могу.

– Тебе живым нужно меня взять?

– Живым, – еще сильнее нахмурился Иван.

– Значит, ты их отпустишь. Мне все равно жить осталось недолго. Днем раньше. Днем позже. А они – доброе дело делали. Не хочу, чтобы под горячую руку попались. Ослушаешься – пулю себе в голову пущу. То дело верное. Если должно приложить и рукой не дрожать, смерть в мгновение, а голова в труху.

Окольничий задумался.

Ослушаться царя? Дурная идея. Так ведь и этот вроде как не шутит.

– Неужто не боишься самоубийцей стать? – наконец после минуты раздумий произнес Иван.

– Боюсь. А что делать?

– Деметрий, – хмуро произнес Хосе. – Не надо.

– Чего не надо? – громким голосом начал возмущаться Дмитрий, так чтобы и окольничий, и стрельцы все слышали. – Вы давно на дыбе не висели? Чай не для радостных объятий Борис Федорович стрельцов прислал. Испугался. Мало ли я бучу подымаю да злоумышляю что против него. Разобраться-то разберется. Наверное. Только вы после пыток уже все переломанные будете. А то и головы порубят. Нарветесь на деятельного дурака, и поминай как звали. Я убедил вас идти за мной. А значит, мне за вас и ответ держать!

– Проклятье! – прорычал Густав и пошел разбирать баррикаду у двери.

– Ты чего?

– Да ну к черту! Гнилая история! Мы же все слышали! И казаки, и гости эти торговые свою вину признали. Неужели царь не послушает?

– А если не послушает? – нахмурившись, громко спросил Дмитрий. – Или услышит что не то? Ему-то и меня, и англичан на одном эшафоте удобнее всего развесить.

– Если так, то нас все одно перебьют, – буркнул Густав. – Уйдем мы сейчас или нет. Найдут. Из Московии не так и просто выбраться.

– Окольничий! – крикнул Хосе, подумав. – Так еще местных поспрашивай. Тут, считай, вся улица уши грела о нашу перебранку с казаками.

– Поспрашиваю, – кивнул окольничий, мысленно крестясь. Не в том он был положении, чтобы не выполнять царский приказ. Сказано живыми доставить, значит, живыми. Привезет трупы, с ними не закопают, но в опалу попадет совершенно точно. Что он, глухой? Люд московский не простит царю смерти Дмитрия. На вилы поднимет. Да и среди стрельцов за спиной ворчание. Кое-кто, из старослужащих, шепчет чего-то да крестится. Ой неспроста. В такой

напряженной обстановке любой промах может обернуться реками крови.

Глава 7

10 октября 1603 года, Москва

Царь Борис сидел нахохлившимся воробьем и напряженно разглядывал треснувшую ножку стола. Рассохлась, видимо.

Ситуация ему нравилась все меньше и меньше.

Только что от него ушел патриарх, доложивший свою часть расследования. В очередной раз подтвердив невиновность Дмитрия и пришедших ему на помощь немцев. Даже более того. Оказалось, что они грудью встали на пути бунта, который пыталась поднять Московская компания англичан.

В самой же столице становилось жарче день ото дня. Народ волновался.

И если простой люд – бог с ним. Перебесится. То волнения стрельцов и немецких рот сильно пугали. Он уже и так потихоньку охрану в Кремле менял на лично верных людей из числа поместного ополчения. Да на жалованье двойное поставил. Но все одно – страшно. Положение стало шатким как никогда.

Дмитрий же, к вящей грусти царя, стремительно превращался в народного героя. От разбойников стрельцов спас? Спас. От бунта Москву огородил? Огородил. Даже казаков, вон, и то пытался на путь истинный наставить. Конечно, никаким он героем не был. И Борис это прекрасно понимал. Но людям хотелось верить во что-то светлое. Дмитрий просто пришелся к месту. Понравился.

– Что делать будем? – настороженно спросила царица. – У меня все готово.

– Что готово? – не понял Борис.

– Яд. Недели за две тихо увянет.

– Дура! – взревел царь. – Узнаю, что пытаешься убить, – сам на плаху потащу! И голову твою бестолковую на пике выставлю! Так хоть детей убережем…

– Ты чего? – удивилась Мария Григорьевна. Реакция мужа ее удивила.

– А ты чего? Совсем страх потеряла? Ты не понимаешь, что, если сейчас или в ближайшее время Дмитрий умрет, мы последуем за ним. Даже если мы к этому будем непричастны! Не понимаешь?

– Ты – законный царь! А кто он? Безродный приблуда, отдаленно похожий на давно сдохшего Ивана.

– Иди, объясни это толпе, – фыркнул Борис. – Тем более что не так уж и отдаленно. Патриарх так и вообще до сих пор трясется. Как увидел – подумал, что покойный из земли восстал и пришел по его грешную душу. Все, кто видел его, – как один сходство видят. И великое. Так что думай, что говоришь!

– И что ты предлагаешь? – нахмурилась крайне недовольная царица.

– Я уже послал за Нагой. Приедет. Опознание проведет. Там и видно будет. Надеюсь, что это не тот окажется.

– А если тот?

– Меня избрал Земский собор. Я законный царь.

– Ты – не законный, но избранный, – произнесла, гадливо усмехнувшись, царица. – А он…

– Заткнись! – прорычал Борис, сверкнув глазами. – И не вздумай чего против Дмитрия учинять. Сейчас деликатность нужда. За любую ошибку награда только одна – смерть. Улыбайся. Будь приветлива. И болтай поменьше, чтобы яд не расплескался.

– Какой яд? – удивилась царица.

– Так природный. Змея ты моя подколодная, – с наигранной нежностью произнес царь.

Глава 8

25 октября 1603 года. Москва

Дмитрий с кислым видом просматривал Евангелие, изнывая от безделья вот уже добрый месяц. К удивлению, в подвал его не запихнули. Отнюдь. Выделили довольно просторные апартаменты в гостевых покоях. И после инцидента, который случился в первый же день ареста, его за пределы покоев не выпускали.

А дело было так.

Задержали, значит. Все оружие и «лишние» вещи изъяли. А самого пригласили помыться в баньке после тяжелого боя. Потный ведь, грязный. Отчего не помыться? Только вот незадача, когда Дмитрий вышел весь из себя довольный в предбанник, оказалось, что вся его одежда куда-то делась. А ее место заняло облачение простого холопа. Чистое и новое. Этакий толстый намек. Парень поинтересовался, куда дели его вещи. Слуги промычали что-то невнятное, потупив глаза. Нет и нет. Он плюнул и прямо нагишом выдвинулся к выделенным ему апартаментам.

Спина прямая. Плечи откинуты назад. Взгляд дерзкий. На лице легкая усмешка.

Шлеп. Шлеп. Шлеп. Босыми ногами по брусчатке Кремля.

Ну а что ему стесняться? Тело красиво прокачано, здоровое и полное сил.

Казалось, что в каждое окно смотрели любопытные глаза, ожидавшие развязки провокации. А уже возле терема Дмитрия нагнал патриарх. Глаза – как блюдца. От возмущения чуть ли не задыхается. Поинтересовался, какого беса парень

творит.

– Это платье Адама, – невозмутимо ответил Дима. – Его не стесняются, если уродств или болезней нет. Да и что мне надеть? Воры украли мою одежду здесь, в Кремле. Куда катится мир?!

После чего развернулся и, сверкая голым задом, прошествовал дальше с максимально гордым видом.

Одежду вернули. Через несколько часов. Постиранную и просушенную. С извинениями. А вот передвижение ограничили. Большую и малую нужды пришлось справлять на месте. Горшки выносили исправно. Аналогично обстояли дела и с омовениями. Выходить нельзя, а в покоях хоть два раза в день плескайся в большой деревянной кадушке, куда слуги натаскивали горячей воды. Не говоря уже про помывку морды лица и лап всевозможных.

Из развлечений только книги позволили. Да и тех три штуки: молитвослов, Евангелие и Житие Антония Сийского, сочиненное лично царевичем Иваном. Учитаешься! Для человека из XXI века – «самое то». Как будто пошутили с особым цинизмом. Хотя, в принципе, Дима допускал, что этот поступок был вполне себе обычным благим намерением. Они-то тут не разбалованы чтением.

Так что ничего, кроме тренировок, ему не оставалось. Иначе от безделья взвоет. Вот и убивался до полусмерти, изнуряя тело. А потом отмокал в деревянной кадушке. Сон. Еда. И по кругу. Считай – тюрьма повышенной комфортности. Разве что женщин не было. А те служанки, что к нему заглядывали по делам, были не только стары, но и страшны, как черт с бодуна. Ему явно мстили за его голожопое дефиле да крики о ворах.

Но ничто не может идти вечно. И даже этот вздор.

Сидел он, значит, за столом и пытался в очередной раз осилить зубодробительный текст о злоключениях самоотверженного мазохиста. Ну, Житие святого то есть. И тут шум за дверью. Явное и весьма бурное движение. Топот. Говор. Видно, целая делегация. Впрочем, он как сидел, так и остался. Вот еще. Вставать. Обойдутся.

Лязгнул засов. Дверь отворилась. И в помещение вошли двое крепких мужчин в дорогих одеждах. У каждого на поясе сабля да кинжал. Следом патриарх. Ну и так далее – целая толпа лиц в двадцать. Последней в помещение робко скользнула старая женщина, в простой иноческой одежде.

– Я вас слушаю, – произнес Дмитрий, не вставая. Книгу, впрочем, тоже не закрывая, намекая тем самым, что не желает уделять им много времени. Ходят тут всякие, от дел отвлекают.

– Дмитрий… – тихо произнесла женщина, ее губы задрожали, а по щеке побежала первая слеза.

– Кто ты? – невозмутимо поинтересовался наш герой.

– А ты не помнишь? – с ехидцей осведомился патриарх.

– Не думал, отче, что твоя память стала столь слабой. Уж не амнезия ли тебя поразила?

– Амнезия? – удивленно переспросил патриарх, прекрасно поняв семантику данного греческого слова. Но что подразумевал Дмитрий, не осознал.

– Не ведаешь разве? Недуг такой. Потеря памяти. У нее много видов и форм. Например, ретроградная амнезия, при которой больной не помнит, что было до заболевания. Обычно такая хворь приключается после травматического шока или нервного потрясения. У тебя же, отче, мыслю я, новомодная амнезия от изрядного хитроумия, ибо дразнишь меня попусту. Не далее чем месяц назад говорил тебе, детства своего не помню. Ничего. Вообще, – выдал Дмитрий свою довольно наглую тираду. Кто не слышал в XXI веке про амнезию и хоть что-то про нее не читал? Вот Дмитрий и постарался вплести ее в свою легенду. Но, сам того не ведая, учудил совершенно в стиле Ивана Грозного. Тот слыл одним из самых образованных людей своего времени и прекрасно разбирался в книжной учености. Ну и поспорить любил прилюдно, демонстрируя свои знания и умение мыслить.

– Эта женщина, – произнес патриарх, переварив сказанное, – старица Марфа. Она мать царевича Дмитрия…

– Зачем ты ее привел? – перебил его Дмитрий.

– Ты не хочешь, чтобы тебя опознали как царевича Дмитрия? – прищурившись, спросил Василий Иванович Шуйский. Он-то для себя все уже решил. Ему хватило того, что увидел. Внешность, манеру держать себя, говорить. Тем более что, как ранее, в более древние времена, так и позже, это все было важным маркером благородства. Как и хорошо откормленная тушка. Тело же этого Дмитрия видели практически все обитатели Кремля – явно не знавшее голода, крепкое, прекрасно тренированное. Редкий аристократ таким может похвастаться. Вкупе со сведениями о добром владении шпагой это были паспорт и свидетельство о рождении в одном флаконе. А также водительские права, аттестат зрелости, карточка пенсионного страхования и так далее. Но эту юродскую игру, как он оценил для себя происходящее, поддержал. По его воспоминаниям и рассказам отца, Иван Васильевич мог и не такое учудить – известный ценитель придворного балагана.

– Хочу, не хочу, – пожал плечами Дмитрий. – Я не знаю, являюсь ли им, а самозванцем становиться не желаю. Пока же все это меня не убеждает. Откуда я знаю, что эта женщина вдовствующая царица Мария Федоровна? Вы могли взять первую встречную с улицы и разыграть меня. Я ведь ее не знаю. А если и знаю, то не помню.

– Я клянусь, что это не розыгрыш, – произнес патриарх и демонстративно поцеловал крест.

– Хорошо, – кивнул Дмитрий. – Теперь ты, – кивнул он старой женщине. – Скажи, почему ты заплакала, назвав меня Дмитрием?

– Потому как ты похож на моего сына.

– А почему я слышал, что царевич должен быть черен волосами да с карими глазами?

– Откуда же ты это слышал? – неподдельно удивилась она. – Все дети Ивана Васильевича были рыжие, так или иначе. Да и глаз карих никто не имел. Голубые да серые.

– Поцелуй крест в том.

Она безропотно поцеловала.

– Ты, – грозно произнес Дмитрий, указывая на одного из довольно молодых мужчин. – Еще раз оскалишься на крестное целование, зубы повышибаю!

– Что?! – ахнул тот, задыхаясь от вспышки гнева, и потянулся к сабле, но сразу осекся. Василий Иванович рыкнул на него, грозно сверкнул глазами и погрозил кулаком, произнеся:

– А я добавлю! – Шуйскому вполне нравилась эта игра. Да и скалиться на крестное целование действительно негоже.

– Мария Федоровна, – произнес Дмитрий, продолжая, – ты же понимаешь, что этих слов недостаточно. Рыжий и голубоглазый. Мало ли таких? Говорят, что я на Ивана Васильевича похож весьма. Так ведь сын его старший, Федор Иванович, иной получился. И ростом, и сложением тела. Нужны более веские доводы, чтобы я тебе поверил. Все мы тебе поверили. Подумай. Вспомни какие-нибудь особые приметы. Родинки, пятна на коже или еще что подобное. Сообщи видакам. Посмотрим. И разойдемся. Ты в монастырь, а я на плаху. При таком сходстве с Иваном Васильевичем меня живым не отпустят.

– Дайте подумать… – произнесла чуть побледневшая старая женщина и прикрыла глаза. – На шее, вот тут, – показала она, – три родинки. Одна большая и две малые. Да. Точно. Идут одна за другой.

– Это все? – повел бровью Дмитрий.

– Еще на груди, вот тут, родинка была. И вот тут. Да небольшое родимое пятно на правой стопе.

Дмитрий был абсолютно уверен, что у него этих примет нет. Конечно, описания примет, данные этой женщиной, были довольно размыты. Но, чтобы и имя, и внешность, и приметы подходили – таких совпадений не бывает и быть не может. Это за гранью реальности. Так что опознают чужака. Да прибьют. В эти времена сильно не мудрили. С тем, что его живым уже не выпустят, он как-то смирился за этот месяц. Зачем еще столько голову морочить? Явно ищут способ разрешить проблему с бузящей толпой. Потому Дмитрий и вел себя так нагло.

Если и помирать, то с гордо поднятой головой.

– Василий Иванович, – обратился он к наиболее уважаемому боярину в этой толпе. – Прошу подтвердить отсутствие родинок. – С тем повернулся спиной к комиссии и задрал отросшие волосы, оголяя шею.

Шуйский молча подошел и пригляделся.

Позвал патриарха.

– Чего вы там возитесь? – с легким раздражением поинтересовался Дмитрий. – Если родинок нет, то, сколько ни ковыряйся, их там не найти.

– Так отчего им не быть? Есть. Все три, – ответил Шуйский.

Дмитрий медленно повернулся с совершенно ошарашенным видом.

– Откуда им там взяться-то?

– Мыслю, от рождения.

– Шутку оценил, – напряженно произнес наш герой. Он был абсолютно уверен в том, что это все чистый вздор. Быстро разделся до пояса. Указанная родинка оказалась на своем месте. Скинул тапки. На ступне тоже имелось небольшое родимое пятно.

И Шуйский, и патриарх, и прочие видаки тоже все хорошо рассмотрели. Благо вблизи совсем стояли.

– А еще чего-нибудь вспомнишь? – недовольно спросил Дмитрий у старой женщины. – Понимаю, времени много прошло. Но, мало ли?

– Почему ты противишься опознанию? – недоуменно поинтересовался Шуйский.

– Потому что я не представляю, что мне с этим делать. Да и не хочу, – произнес он и, отвернувшись от людей, уставился в забранное цветным стеклом окно. В

его голове гудела натуральная буря.

«Каким образом приметы подошли? Ведь не видел же никто ничего. Разве что на груди, когда по брусчатке голым шел. Или видел? Банщик, может? Возможно. Скорее всего, он и передал их. Но кому это выгодно? И чем?»

Сзади кто-то тихо подошел и аккуратно так, нежно коснулся спины Дмитрия.

– Прости меня… – тихо прошептала женщина.

Дмитрий повернулся.

Скользнул по ней предельно раздраженным, практически пылающим взглядом. Таким, что даже Шуйский с патриархом отшатнулись. Он был в ярости. Еще бы! Так нагло использовать! Как ребенка!

Старая женщина потупилась, медленно осела, обняла ноги Дмитрия, и зарыдала… Ее чувства были искренни. Ну, таковыми казались со стороны.

«Какова актриса! Может, ей просто захотелось отомстить всем обидчикам? Но до чего же правдиво рыдает!»

Глава 9

26 октября 1603 года, Москва

– Это ты воду мутишь? – хмуро глянув на патриарха, поинтересовался Дмитрий. После официального опознания и составления о том грамоты за подписями Иовы и многих бояр, включая Василия Шуйского, обстановка резко изменилась. Если раньше слуги просто вели себя аккуратно и предельно обходительно, то теперь кланяться стали изрядно. Да и свобода перемещения какая-никакая, а появилась. В сопровождении пары молчаливых бойцов из поместных дворян Годунова. В тот же день разрешили. Вот – в Успенский собор заглянул на

моление. Скучно же сидеть в замкнутом пространстве. От такой радости даже молиться станешь ходить с удовольствием.

– О чем ты, сын мой? – наигранно удивился Иова. Исповедь явно начиналась не по плану.

– Откуда Мария Федоровна могла узнать приметы?

– Так в младенчестве видела.

– Ну, конечно, – усмехнулся Дмитрий. – Чего ты добиваешься?

– Я? Почему ты считаешь, что я чего-то добиваюсь? – лукаво улыбнувшись, поинтересовался патриарх.

– Больше некому.

– То есть ты признаешь, что не являешься царевичем Дмитрием?

– Я признаю, что не знаю, являюсь ли им. И все это опознание – одна сплошная игра. Скоморошество. Вот ты, отче, вспомнишь родинки своих детей?

– У меня нет детей.

– Спроси у знакомых дам в возрасте. Ответ будет один – никто из них ничего не вспомнит. Разве знак на теле особо заметный имеется. А таковых не было. Я уверен, что Марии Федоровне кто-то… хм… освежил память.

– А чего тебе не нравится?

– Признание царевичем. В России и без того смуты и бардака хватает. Я не скажу, что мне нравится Борис, но стране нужен покой. Любой ценой. Максимальное ослабление усобиц боярских и грабежей, да покой на внешних границах. Три года голода прошло. Теперь им хоть чуть-чуть вздохнуть надобно. Народить детишек. Укрепиться на землях.

– Почто знаешь, что голода только три года будет?

– Такого страшного – только три. А вообще-то, голод на Руси еще надолго. Слишком жадные у нас бояре с царями. Да и церковь не особо лучше. И не смотри на меня так.

– Слова твои кощунством пахнут.

– Мои слова тебе сказаны на исповеди. Ибо ума хватает в других местах о том не говорить. А кто люду рты заткнет? Не слышал про крестьянскую войну в Кесарии? Зря. Очень познавательная история. Толпы черни проиграли ее только потому, что не имели единого руководства. А может быть, ты еще и не знаешь о том, какие противоречия искрят между католиками и протестантами? Там еще проще. Толпы крестьян, горожан да дворян с искренней ненавистью смотрят на то, как католическая церковь берет не только десятину, но и лучшие земли себе. Стяжательством занимается и прочими мирскими делами. Уже полвека прошло со Шмалькальденской войны – первой драки между католиками и протестантами. И конца-края этой грызне не видно. Думаешь, на Руси иначе? Я пока к Москве ехал, с крестьянами говорил. Роптание великое. Если какой злодей умыслит бунт учинять – охотно поддержат. – Дмитрий знал, что говорил. Крестьянские войны и практически перманентные бунты были нормой в ближайшие два века.

– Не посмеют, – недовольно произнес патриарх, поджав губы.

– А если посмеют, что делать станешь? Хочешь, чтобы среди православных своих протестанты появились? Или простые люди стали и вовсе от истинной веры отворачиваться только лишь потому, что кто-то из иерархов меры в мирских делах не знает?

– О том после поговорим, – отмахнулся патриарх.

– И то верно. Говори, зачем я тебе понадобился в роли царевича? Меня, если честно, больше прельстило бы положение простого рейтара. Что ты опознание подстроил – убежден. Отчего – не ведаю. Ты ведь стоял всегда за Бориса. Во всех его грязных делах участвовал если и не рукой, то душой. Он ведь посылал тогда в Углич своих людей. То несложно узнать. Как и о цели их. Только их кто-то опередил. Кстати, а Федора тоже отравили или попросту придушили

подушкой?

– Какая теперь разница?

– Любопытно просто. Елену ртутью отравили…

– Какую Елену? – нахмурился патриарх.

– Так бабушку мою. Елену Глинскую.

– Не вороши прошлое, – холодно произнес патриарх. – Не нужно. Сейчас и без того тошно. Слова твои о гибельности смуты для России я обдумал. Кое-что удалось проверить. Думаю, тебе нужно с Борисом сблизиться, чтобы пресечь надежды всех, жаждущих бунта.

– Так они провозгласят настоящим царевичем кого-нибудь более подходящего на эту роль. Соберут войско. Да двинутся на Москву. Думаешь, отобьемся?

– А как иначе? – удивился патриарх.

– А вот я так не думаю. Войска ненадежны. Вооружены и обучены плохо. Строя в основном не знают. Из-за гуляй-города еще татар побьют. Если казаки набегут толпой – побьют. Поместное ополчение разорено и крайне ненадежно. Честные люди еще есть, но кто их знает, сколько таких окажется в минуту опасности? Да и в своих поместьях явно неспокойно. Бросить семьи умирать и пойти за царя? Многие ли на это согласятся?

– Я понимаю тебя, – покивал патриарх. – Но мыслю все же, тебе нужно стать подле царя, чтобы унять пересуды и дурные метания. Хотя бы отчасти.

– Хочешь отбросить в сторону несколько лишних соломинок, чтобы изможденная спина верблюда выдержала свой неподъемный груз?

– Не без этого. Да и нравишься ты мне.

– Власть портит людей.

– Только тех, кто думает, что власти не может лишиться, – лукаво улыбнулся патриарх.

Глава 10

11 ноября 1603 года, Москва

Дмитрий остановился на мгновение перед входом в Грановитую палату Московского кремля – главный приемный зал Русского царства. Здесь заседали и Боярские думы, и Земские соборы, и прочее, прочее, прочее. Вот и сейчас собрались.

Два рынды царские эффектно разомкнули бердыши, открывая проход. Третий отворил массивную дверь. И Дмитрий, глубоко вдохнув, шагнул вперед. Считай – в новую жизнь.

«Банка с пауками» была душной. Да и живности туда набилось чуть ли не под завязку. Сидят в меховых шубах да при горлатных шапках, которые, впрочем, многие держали в руках. Истекать ручьями пота можно было вполне и без них. В общем – наиболее влиятельные мужи всея Руси собрались и тихонько переговариваются, степенно шевеля «мандибулами».

– Царевич Дмитрий! – огласил кто-то сбоку громким, несколько резким голосом.

Мгновение. И все взгляды устремились к вошедшему молодому мужчине. Внимательно просканировали, особо отмечая одежду, выбранную парнем лично из старых нарядов Ивана Васильевича. Ростом он был несильно больше, а плечами вполне подходил. Так что перешить было проще и быстрее, чем шить заново. Выбрал, разумеется, по своему вкусу. Бояре же отметили про себя: «Юродствует», ибо явиться в богатом, но охотничьем костюме на официальный прием к царю было неправильно.

Подошел.

– Государь, – произнес, степенно, но с умеренным прогибом поклонившись.

– Царевич[31 - Титул «царевич» в указанный момент времени использовался для обозначения сына царя. С XVIII века его сменили на «великий князь». В Европе аналогом данного титула был, например, «принц крови». Официальное именование таким титулом при дворе обозначало признание Дмитрия сыном Ивана IV Васильевича.], – ответил тот зеркально, не решаясь ругать Дмитрия за нарушение этикета.

Заняв свое место недалеко от трона, наш герой не успел даже переговорить с Василием Шуйским, образовавшимся моментально рядом, как ввели главу Московской торговой компании англичан. Вид у него был потрепанный, но вполне приличный.

Зачитали список прегрешений англичанина.

Чего там только не было. Начиная от попытки поднять бунт в Москве и заканчивая мелким вымогательством и уклонением от уплаты и без того скромных сборов и пошлин. Были бы под рукой маги, способные воскрешать, несколько смертных казней ему точно не удалось бы избежать. Очень уж знатно он наследил. А его люди, опасаясь за свои жизни и бренное тело, охотно делились сведениями. Да и переписка, взятая в здании компании, порадовала не меньше.

Цирковое представление продолжалось.

Борис не желал брать на себя ответственность за наказание главы довольно полезной английской торговой компании. Одновременно с этим он хотел, следуя совету патриарха, обозначить свое расположение царевичу. Ну и выступить под финиш благодетелем, облегчив участь злодеев. В том, что Дмитрий придумает им особо суровые наказания, царь не сомневался. Варка живьем в котле с маслом. Сдирание кожи. Повешенье в клетке, дабы человек неделю-другую медленно умирал на виду у людей. И так далее. Борис Федорович был убежден, молодой Рюрикович, получивший прекрасное образование «в Европах», сможет выдумать весьма необычное наказание.

– Дмитрий Иванович, а что ты думаешь? – произнес царь. – Как нам наказать злодеев?

– Чтобы и овцы остались целы, и волки насытились?

Борис не ответил. Он лишь повел бровью, предлагая Дмитрию высказаться дальше.

– Во-первых, – начал царевич после минутного раздумья, – он глава Московской компании, а значит, действовал от ее имени и пользовался всеми силами и связями, что были в распоряжении сего торгового сообщества. Следовательно, Московскую компанию надобно лишить всех привилегий. Пускай торгует на равных с фризами, данами, своями и прочими. России интересна торговля с Англией, но они потеряли наше уважение.

– Да кто с вами торговать станет? Варвары! – воскликнул англичанин на английском.

– Полагаю, – невозмутимо продолжил Дмитрий, – что и фризы, и датчане охотно согласятся вас потеснить. Лен, пенька, вар да строевой лес есть товары, для всех морских держав полезные весьма. А если удастся, то и с Филиппом, королем Испании, Португалии и Неаполитанских земель, мы сможем наладить добрую дружбу. Природный враг Англии. Он далеко, но ему нужны корабли. Земли, лежащие по западному берегу Африки и за Атлантическим океаном, богаты и щедры. Галеоны, груженные золотом и серебром, медью и оловом, уже плывут в метрополию. А лесов в европейских владениях Филиппа не так уж и много.

– И много они везут золота? – заинтересовался Борис.

– Восемь десятилетий назад Испанская корона создала огромный флот, вывозящий ценности из Нового Света. Сколько чего точно, я сказать не смогу. Там даже король не скажет, ибо воруют страшно, и десять пудов золота вчера могут оказаться пудом серебра сегодня. Но речь идет о многих тысячах пудов драгоценных металлов, иначе бы десятки больших галеонов никто бы и не строил. Это само по себе очень дорогое удовольствие. Каждый обходится казне, словно полк наших стрельцов в военное время. Подобные затраты нужно как-то окупать. Но мы отвлеклись. Далее. Московская компания должна заплатить за причиненный ущерб делам державным. Подготавливаемый ею бунт мог запросто спалить Москву. И спалил бы. Предлагаю посчитать, сколько стоило бы восстановить город после страшного пожара. И утроенную эту сумму взыскать с

компании в казну. Ибо случись что, именно казна бы выделяла эти деньги люду. А чтобы англичане не стали юлить, то арестовать все их имущество и взять в плен семьи.

– Не много ли?

– Учитывая то, в какую смуту мог ввергнуть этот бунт все царство, еще и милость великая столь скромно просить. По-хорошему, нужно посчитать пенсионы для жен и детей, утративших кормильца как в ходе бунта столичного, так и последующих волнений по всей державе. Десятки тысяч обездоленных домов, а то и спаленных. Сверх того посчитать виры за всех убитых вольных да дворян и цену за всех холопов. Впрочем, не стоит жадничать. Слишком много они все равно не дадут. Англия – нищая страна. Не стоит забывать, что изрядную часть ее доходов составляют отчисления пиратов, грабящих испанские корабли. Скорее всего, они не смогут нам заплатить. Или не захотят. Поэтому через пять лет, если они не компенсируют убытки, все имущество компании должно взять в казну, а пленных продать татарам. Хоть какой-то прибыток.

– Царевич, – с улыбкой произнес Борис. Ему в принципе понравилось предложение ударить купцов по самому больному месту – кошельку. – Почему ты не говоришь, как поступить с этим вором? Четвертовать или на кол посадить? Как-никак покушался на природного Рюриковича.

– Он купец. Позорная смерть его не тронет. Да и кровь не нужно лишний раз проливать. Предлагаю все его личное имущество конфисковать, семью продать татарам. Самому же на лбу и щеках поставить клеймо «вор»: одно на русском, второе – на латинском, а третье – на английском языке. Чтобы ни у кого сомнений не было в его природе и естестве. Потом посадить на фризский корабль и отправить домой с чистой совестью. Пусть себе живет, как сможет.

Борис скосился на патриарха. Тот едва заметно кивнул. Прошелся взглядом по всем ключевым боярам. Те также кивали.

– Быть по сему! – громко произнес царь и стукнул посохом.

И стрельцы, державшие англичанина, сразу же потащили его прочь.

Всех вполне устроил вариант, предложенный Дмитрием. И одновременно с тем удивил. Даже в какой-то мере расстроил. Ведь люди ждали ярости и крови. А тут такая обыденность… Шоу не вышло. Хотя тему для разговоров царевич подкинул неплохую. Вряд ли удастся реализовать идею Дмитрия о торговых делах с Испанией, но разве это мешает подобное пообсуждать?

Часть II

Золотая клетка

– Я вижу, ты отлично находишь общий язык с троллем.

– У меня большой опыт. Я всю жизнь работаю с идиотами.

Геральт и Дийкстра

Глава 1

20 ноября 1603 года, Москва

Безделье вымораживало.

Да, удалось разнообразить свой досуг и не день-деньской просиживать в четырех стенах. Но все равно дел никаких внятных не было. Так что все дни напролет Дмитрий все так же посвящал тренировкам. Только теперь он и верховыми прогулками мог заниматься, с эскортом, разумеется, и упражнениями на свежем воздухе с клинками. Но все одно – скука.

Еще эта возня бояр вокруг него нехорошая…

Подумав и все взвесив, Дмитрий напросился на прием к царю. С глазу на глаз. Тот оказался не прочь пообщаться. Даже отметил, что давно пора.

– Что ты хочешь? – нейтрально поинтересовался царь.

– Уехать.

– Уехать? – удивленно переспросил тот. – Ты снова за свое? Хм. И куда же ты хочешь ехать? К полякам? К шведам?

– В Испанию. А оттуда в Новый Свет.

– Дались тебе эти дали! А главное, зачем?

– Зачем? О, то не трудно понять. Месяц едва прошел с того дня, как меня официально признали царевичем, а я морды эти боярские уже видеть не могу. Добрую половину зарезать хочется. Ходишь, улыбаешься и втайне надеешься, что вот-вот кто споткнется и шею себе сломает или бревно ему какое на голову упадет.

– Вижу, – понимающе усмехнулся Борис, – человеколюбие в душе твоей не так сильно и изобильно, как должно доброму христианину.

– А с чего ему там появиться? Покинул темницу. Обрадовался. Вздохнул полной грудью. И что? С разбегу влетел в бочку с пауками! Ты-то – понятно, заложник ситуации. Была бы твоя воля – повесил меня на ближайшем суку, ибо угроза тебе и твоему сыну. Вольная или нет – не важно. Главное, что меня можно использовать как стяг, дабы бунтовать. Патриарха тоже можно понять – он заботится о покое державы. У тебя ведь только один сын. И если что с ним случится, будет смута сразу после того, как ты отойдешь в лучший мир. Все мы смертны и моложе с годами не становимся. Вот он и решил обеспечить запасного наследника. На всякий случай. Шуйские так еще прозрачнее. Мне уже девиц из своего рода подводили подходящих. Вроде и в шутку, но… – развел руками Дмитрий.

– Знаю, – кивнул Борис. – Но не понимаю, зачем ко мне пришел. Ведь уступи Шуйским, и они тебя охотно на престол посадят.

– А оно мне надо? – скривился Дмитрий. – Много ли монархов за последние сто лет умерли своей смертью в пределах Кремля? Бабку мою державную, Елену, Шуйские отравили. Отца – Романовы. Брата – ты. Не кривись. В том не виню, ибо знаю – блаженный он был. Да чего уж там, дурак полный. Твоей сестре можно только посочувствовать, ибо подвиг духовный совершила. А ведь ей не только с ним жить требовалось, но и постель делить, – поморщился Дмитрий. – И оно мне надо в таком дерьме плескаться? Тем более что вырос я на чужбине и здесь совсем чужой.

– А если дочь свою в жены предложу? – прищурившись, спросил Борис Федорович. – Шуйские от тебя отстанут, как и другие. Да и мне покоя больше, все же не чужой станешь.

– Тебе ее совсем не жалко? Да? Или злоключения отца моего ничему не научили? Сколько она проживет после брака? Год? Два? Мнится мне, что как понесет от меня, так последние месяцы ее жизни и начнутся. Ибо отравят.

– Ее еду всегда пробуют наперед.

– Слушай, ты как ребенок. Ну, пробуют? И что с того? И Ксения, и тот человек, что пробует ее еду, – взрослые и вполне здоровые люди. Им нужна одна порция яда для отравления. А у дочери твоей в чреве будет дите малое. Кроха совсем. Слабая и беззащитная. Ей яду нужно много меньше, чтобы умереть, не родившись. Мать и не заметит, как дите скончается. Добавит Ксении здоровья мертвый плод? Ой, не думаю. Обычно с такими бедами умирают. А если и выживают, то, как правило, остаются бесплодными. И что самое тошное, злодеи не только нагадят, но и бога бросятся поминать. Дескать, за грехи тяжкие наказание, ибо доказательств-то отравления не будет.

– Умеешь ты в тоску вогнать, – мрачно отметил царь.

– Боярская вольница, что саранча египетская. Оставляет после себя только смуту, разоренную державу да трупов великое множество. Отец не зря опричнину учинил. Одна беда – хотел как лучше, а получилось как всегда. Да и вообще, как я узнал, что Шуйские тут творили при малолетнем Иване Васильевиче, то искренне удивился его человеколюбию. Я бы весь род под корень срубил в назидание другим. Выжег каленым железом!

– Они Рюриковичи!

– Да и леший с ними, с такими Рюриковичами! Ради своих мелких интересов державу по миру пускают раз за разом. Вон – пока отец был юн, правили. И что? Чего-нибудь хорошего сделали? Одна мерзость от них! Теперь со мной партию разыгрывают, высунув язык от усердия. С такими Рюриковичами и врагов не надо. Сами все сгноят и разрушат.

– А ты, понимая все это, хочешь сбежать? Неужели не жалко трудов отцовских?

– Сбежать? Нет. Я хочу начать все на новом месте с чистого листа. Сам. Сейчас, – произнес Дмитрий и, встав, взял со стола царя большой чистый лист бумаги и английский грифель. Разумеется, не спрашивая. На что Борис повел бровью, но возражать не стал. – Да, бумага… так себе, – покачал Дмитрий головой. – Ну да ладно. Смотри…

И буквально минуты за две царевич набросал в общих чертах контурную карту мира. Всю. С Африкой, Азией, Австралией и обеими Америками.

– Вот здесь – мы. Это Русское царство. Это – Иберийский полуостров. Там три королевства: Испания, Португалия и Наварра. У первых двух – личная уния. Хоть земли по простору ощутимо меньше нашего, но сила там великая. Царство наше сомнут – даже не заметят. Там и горы с полезными рудами, и море с теплым влажным воздухом, и земля с хорошим урожаем, и многое иное. Но главное – они ближе всех к морскому пути в Новый Свет. Оттого и выгодами с него пользуются безмерными. Пока они делают только первые шаги. Снимают сливки. Но пройдет век, и их владения изрядно расширятся, окрепнут. Ибо никто пока что не сможет с ними равняться. Хотя кто сможет угадать, что через век станется? Может быть, сгниют Габсбурги заживо из-за страсти браки заключать с близкими родственниками. Проклятие королей, оно не дремлет и никому ничего не прощает. А падут Габсбурги, рассыплется и империя их. Сгорит в усобице и борьбе за наследство.

– Хм. А какая твоя с того польза?

– Вот, – указал Дмитрий на район Никарагуа. – Здесь удобнее всего оседлать торговый путь из Атлантики в Тихий океан. Поначалу поставить две крепости с портами и проложить дорогу между ними. Потом потихоньку выкопать канал и

водить корабли.

– А почему не здесь? – ткнул Борис в район Панамского перешейка.

– Здесь узко, да, но еще и горы, да жуткие болота. Видимая легкость влечет за собой большие сложности. Вот. Так что наберу банду по пути в Испанию. Сяду на корабль в Новый Свет, поступив на службу к королю Испании, а дальше как повезет. Удача – дама капризная.

– Большие планы, – усмехнулся Борис, с явным интересом поглядывая на карту мира. Он видал несколько, но таких – ни разу. Кроме того, его удивила та уверенность, с которой царевич ее рисовал. Словно знал наверняка. Но откуда? Многие дальние страны были известны больше по сказкам, чем на деле.

– Главное не в том, что они большие. Главное – там я смогу превратиться из обычной пешки чьей-то игры в самостоятельную фигуру.

– Я так понимаю, что под моей рукой ходить ты не хочешь? Гордый?

– Дело не в гордости. Дело в доверии. Вот скажи – ты доверяешь мне? Я бы на твоем месте не доверял. А значит что? Правильно. Никакого стоящего дела не дашь. И что у нас в итоге получается? Я буду неприкаянным слоняться по Кремлю, старательно избегая попытки меня втянуть в бесконечную череду интриг. Рано или поздно мне это надоест. Признаться, уже надоело, но я пока держусь.

– Пугаешь?

– Тебя? Ты издеваешься? – усмехнулся Дмитрий.

– Хорошо, – после минутной игры в гляделки произнес царь, – а если я поручу тебе какое-нибудь дело? Тебя это устроит?

– Вопрос в том, какое дело и какова степень свободы. После плена я терпеть не могу, когда у меня над душой стоят.

– А что ты хочешь?

– Хочу я много, но не все царству по карману. Мореходный канал на краю света – не самая моя безумная идея. Вопрос нужно строить иначе. Что я могу? Что я знаю? Что могу полезного принести царству? Если дать мне то, в чем я не разбираюсь, – напортачу. Ни державе пользы, ни мне удовольствия. А его без успеха в деле не достигнуть. Если…

– Хорошо, пусть так, – перебил его Борис. – Что ты можешь и хочешь?

– Если брать те вещи, что можно делать, не уезжая в другие города… Ведь ты, я полагаю, меня из Москвы не отпустишь?

– Я бы отпустил, – ухмыльнулся царь, – в Холмогоры или еще куда подальше, но бояре не позволят. Ты нужен здесь. На виду у всех.

– Тогда ничего, кроме военного дела, не остается. Как показала Ливонская война, воинство Русского царства может гонять только диких татар. Столкновений с серьезными современными армиями оно не выдерживает. Обезлюдело царство не просто так. И это при том, что в Польше далеко не лучшие войска собрались. Разве что крылатые гусары хороши, но и те – не все. Уже добрые полвека на поле боя господствуют испанские терции. Их считают непобедимыми и несокрушимыми. Конечно, это преувеличение. Нет несокрушимых армий, но на текущий день это лучшее, что смогли придумать.

– Ты хочешь получить под свое командование войска? – усмехнулся царь.

– Я хочу получить возможность набрать охочих людей для формирования такой терции. Вооружить ее и подготовить к сражениям. А потом сдам, кому укажешь.

– И сколько тебе нужно воинских людей под начало?

– Около трех тысяч для строя и тысячу в обоз. Но тут есть особенности. Терции лучше набирать не из иноземцев, а из своих, местных. Немцев же брать только тех, что осели здесь, семьями вросли. Службу им нести не как стрельцам, а находясь на контракте и полном довольствии, дабы ничего не отвлекало от дел. Тут и жалованье, и кормление, и прочее. А на занятие своими делами – запрет. Сложностей будет много. Сразу все и не обговоришь.

– Четыре тысячи воинских людей, значит, под свое начало хочешь?

– Это полный состав. Много. Поэтому и говорю – не дашь мне столько, ибо не доверяешь. А если и дашь, то ограничишь в делах всемерно или в деньгах. В общем – пустое все это, – махнул Дмитрий рукой. – Зря только воздух сотрясаю. Пустишь в архивы?

– Чего?

– Все равно делать нечего. Хоть со старыми пергаментами повожусь. Попробую толком разобраться с родословной.

– Что-то ты прыгаешь с темы на тему… – покачал головой Борис.

– Я не могу сидеть без дела. Не привык. В плену у меня был каждый час занят делами. А тут, пока ты будешь выдумывать красивый отказ с правдивым объяснением, почему мне войско давать нельзя, я хоть чем-то займусь. Возня кропотливая. Времени должна много отнять.

– Хм, – хмыкнул царь. – Да разбирайся, коли хочешь. Может, что интересное и найдешь.

Глава 2

3 января 1604 года, Москва

Очередной приятный вечер за пыльными, полуистлевшими пергаментами был самым наглым образом прерван царским посыльным. Дескать, Борис Федорович желает пригласить царевича откушать вместе.

Удивился, конечно, обычно-то он так не поступал, держа определенную дистанцию. Но желает так желает. Мало ли? Может быть, решил таким образом сгладить впечатление от какого-нибудь дурного сообщения. Дмитрий немного

подумал, пожал плечами, встал, привел себя в порядок и отправился в гости. Благо идти было недалеко.

Зашел. Поздоровался с царем. Перекинулся несколькими ничего не значащими фразами. И проследовал в соседнюю комнату, где был накрыт стол и ожидала царская семья в лице Марии Федоровны, а также сына Феди и дочери Ксении. Снова пришлось здороваться, проявляя уважение и воспитание.

Сели. Помолились.

Слуги сразу засуетились. Стали подносить блюда. Наливать в кубки. И вообще всячески проявлять услужливость.

– Удивлен? – спросил царь.

– Да. Раньше ты старался держать дистанцию напоказ. О том, что меня пригласил, уже сегодня все интересующиеся люди будут знать. Бояре так точно.

– Хм, – многозначительно усмехнулся Борис, давая понять, что на то и расчет. – Как продвигаются твои чтения пергаментов? Удалось что-то интересное узнать?

– И немало, – с улыбкой произнес Дмитрий. В свое время он увлекался этим вопросом, прочитал сотни книг, включая научные монографии и материалы археологических раскопок. Да и вообще – заморачивался изрядно. Поэтому в царских архивах искал только лишь доказательства той теории, что он придерживался ранее. – Мне, по всей видимости, удалось понять, откуда пришел Рюрик.

– Разве в этом есть какой-то секрет? – удивился Борис.

– В годы правления моего прадеда[32 - Речь идет о великом князе Иване III.] была написана довольно красивая история о том, что Рюрик де происходил от одного из братьев императора Августа Римского. Вот только беда – у Гая Октавиана Августа никогда не было ни братьев, ни сыновей. А он сам стал императором только после того, как его усыновил Гай Юлий Цезарь. О том любой мало-мальски грамотный человек в Риме знает.

– То есть ты считаешь, что эта версия выдумка? – удивленно вскинул брови Годунов.

– Да. Чистой воды выдумка. Прабабка моя, Софья[33 - Речь идет о Софье Палеолог, супруге Ивана III, матери Василия III и бабушке Ивана IV. Она приходилась племянницей последнего императора Византии. Монархи Византии в период Палеологов и несколько ранее именовались Басилевсами (в том числе).], слишком уж страстно желала чувствовать себя супругой Басилевса хоть в какой-то мере. Вот и натягивала сову на глобус как могла.

– Что, прости? – удивился царь.

– А, – отмахнулся Дмитрий, – одна из глупых присказок. Никак не могу от них отделаться – вечно на язык просятся. Главное в том, что Софья Палеолог целенаправленно работала над созданием образа преемственности Русского государства от Ромейской империи. Ее православной части. Не она первая, не она последняя. Но знаний, очевидно, не хватило. На Руси же, судя по всему, о том, как там жили в стародавние времена в Италии, ничего и не знали. Вот и приняли совершенно спокойно такой вздор. Я когда узнал впервые, опешил. Никак не мог поверить, что это все не шутка. В Европе образованные люди на такие родословные будут лишь улыбаться. Да, весьма модно подобным баловаться. Но если от монарха такое услышат, то посчитают хвастуном, который совершенно заврался. А оно нам нужно?

– И кем же он был на самом деле? – заинтересованно спросил царевич Федор.

– История там была весьма увлекательная, – произнес Дмитрий и отпил немного из кубка. – Разумеется, как и всегда, во главе угла стояли деньги и власть. Именно в этом порядке. Так вот. Примерно за сто лет до пришествия Рюрика викинги, известные в наших землях как варяги, основали в устье Волхова небольшой, но хорошо укрепленный город – Ладогу[34 - Ладога, согласно данным археологов, действительно была основана в районе 750 года выходцами из Скандинавии.].

– Викинги? – вскинулся царь. – Но зачем?

– Как вам известно, практически триста лет эти люди истово и с выдумкой грабили побережье Британии и Франции. А иногда доходили до Испании и даже

Италии. Но какой толк от церковного подсвечника для варвара? Вот викинги и везли все награбленное на продажу, чтобы обменять на более полезные им вещи. Скупщиками краденого, ну, то есть трофеев, охотно стали ромеи в Царьграде да персы на Каспии. Западом это все к ним не повезешь. Одно дело налетел и скрылся в тумане. И совсем другое дело торговый путь держать. Нет, они, конечно, ходили поначалу. Пытались. Но слишком многие желали в тех краях викингам смерти. Вот они и решили использовать менее удобный, но более безопасный восточный путь: через Днепр – на греков, через Волгу – на персов. Ладогу они поставили, чтобы оставлять в ней свои большие морские корабли. По рекам же на них ходить не сподручно. Пересаживались на речные суда и шли на юг.

– А Рюрик тут при чем?

– Он происходил из древнего данского рода конунгов – Скьёльдунг. Именно они первыми правили данами. Хм. В дни юности Рюрика Ютландией правил его дед Хальвдан, который поссорился с отцом Рюрика – Хеммингом. И тот, опасаясь за свою жизнь, был вынужден бежать в державу Карла Великого, дабы искать у него защиты. Сын после смерти отца дал вассальную клятву внуку Карла Великого Лотарю. Взамен тот наделил Рюрика достойными землями во Фризии. От покойного отца ему перешло владение Дорестад, от дяди – Харальда Кларка – Рюстринген. Причем, что интересно, Харальд был последним представителем мужской ветви Скьёльдунгов на престоле Ютландии, а Рюрик, соответственно, был законным наследником, ибо остался последним мужчиной в роду[35 - После ухода Скьёльдунгов с политического поля Дании в середине IX века установилось междуцарствие. Разные силы боролись за власть. Победил в итоге Кнуд I Хардекнудсон, приходящийся правнуком знаменитому Рогнару Лодброку. Его династия боролась за Данию с середины VIII века. Он смог впервые объединить Данию в единое государство. Его сын Кром Старый стал первым королем Дании.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стрельцы – первые части Русского царства, вооруженные огнестрельным оружием. Были пешие и конные (стремянные). Какая-то их часть была сведена в первые регулярные воинские формации России.

2

Алексей Михайлович (1629–1676) – второй русский царь из династии Романовых. Правил в 1645–1676 годах.

3

Полки Нового (солдатского, рейтарского и прочего) строя – на протяжении всего XVII века в Русском царстве проходили последовательные попытки преобразовать вооруженные силы по передовому образцу. В 1609, 1630, 1638 годах и далее вплоть до реформ Петра Великого, завершившего столь важное дело.

4

Рейтары – наемные конные полки Европы XVI–XVII веков, носившие не только хороший доспех (как и кирасиры), но и вооруженные несколькими тяжелыми крупнокалиберными пистолетами. Представляли собой тяжелую стрелковую кавалерию.

5

Тридцатилетняя война – военно-религиозный конфликт в Европе в 1618–1648 годы, в который были вовлечены практически все державы Европы. Сражения шли преимущественно в Священной Римской империи.

6

Позиционируясь на роль западноевропейского наемника Русского царства, Дмитрий не поскупился сделать себе в достатке реплик монет как Священной Римской империи, так и Русского царства – конца XVI – начала XVII века. Серебряные копейки и серебряные крейцеры были основным объемом таких монет. Хотя имелось и несколько крупных монет, как золотых, так и серебряных. Само собой, эти монеты были не в подвесном кошельке, а аутентично припрятаны в поясе, одежде и поклаже.

7

Басманов Иван Федорович – дворянин при дворе русских царей Федора I и Бориса I, царский окольничий и воевода Рязанский периода Смутного времени. Был сыном опричника Федора Басманова, фаворита Ивана Грозного, впавшего в немилость и казненного, когда Иван был еще младенцем. Был воспитан В.Ю. Голицыным, который взял в жены его мать. В августе 1603 года выступил с сотней стрельцов против бунтаря Хлопка Косолапа. В сентябре того же года, попав в засаду войск Хлопка, погиб, однако армию Косолапа разбили (с большими потерями для стрельцов), его самого пленили и позже казнили.

8

Рейтпистоль – тяжелый пистолет, занимавший промежуточное положение между собственно пистолетом и карабином. Назван в честь рейтаров, которые им преимущественно и вооружались.

9

Дмитрий имел арсенал довольно опытного рейтара. Кроме холодного оружия в его распоряжении была легкая аркебуза, 3 двуствольных тяжелых седельных рейтарских пистолета, 2 малых легких пистолета самообороны. Все огнестрельное оружие выполнено в едином стиле одним мастером и было оснащено довольно совершенными колесцовыми замками, сменными каморами и было нарезным. Конечно, все оружие являлось холощеным, но предельно формально, а потому легко приводилось к бою «на коленке» в полевых условиях.

10

Рейтшверт – рейтарский меч с длинным клинком и развитой гардой.

11

Подробности смотри в приложении.

12

Имеется в виду Шильонский замок в Западной Швейцарии на берегу Женевского озера. Дмитрию он просто первым вспомнился, потому что в свое время

понравился. Только потом его память подсказала, что в Шильоне в те годы уже держали высокопоставленных пленников. Но отступать уже было поздно – слово не воробей. Дмитрию оставалось только надеяться на то, что в Москве никто не знает ничего про этот замок, а то уж очень многозначительно получалось.

13

Борис Федорович Годунов (1552–1605) – 3-й царь Русского царства. Избран Земским собором после смерти Федора Ивановича (второго царя).

14

Немцами на Руси в те годы называли не выходцев из Германии, а всех европейцев.

15

Жак Маржере (1550–1619) – французский капитан, нанятый русским посланником на русскую службу в 1600 году. Борис Годунов сделал его капитаном немецкой роты – конного отряда иностранных наемников.

16

Патриарх Иов (1525–1607) – 1-й патриарх Русской православной церкви (с 1589 года).

17

Золотой крестик был долгое время символом высокого статуса либо принадлежности к старшим чинам духовенства. Особенно на золотых цепочках. И дело не столько в доступности, сколько в символическом значении.

18

Единорог в традиционной геральдике изображался, как лошадь с рогом во лбу. Единорог был личным гербом Ивана Грозного и до второй половины XVII века фигурировал на государственных печатях (Иван IV, Борис I, Михаил I, Алексей I), а также изредка на монетах, где он заменял Георгия Победоносца, символическое значения которых в те годы на Руси было общим.

19

Гиреи – правящая династия в Крымском ханстве в те годы.

20

Ваза – правящая династия в Речи Посполитой и Шведском королевстве в те годы.

21

Речь идет об императоре Священной Римской империи Рудольфе II, правящем с 1576 по 1612 год.

22

Шпаги не нужно путать с современными спортивными рапирами-прутиками. Первые боевые шпаги появились в XVI веке, являясь, по сути, обычными мечами с развитой гардой для удобства применения сложных техник фехтования. Таковыми они и оставались до XVIII включительно, совершенствуясь и прогрессируя.

23

Дага – вид кинжала.

24

В те годы в Ирландии англичане устроили фактически апартеид, удерживая его более трех столетий и совершенно вогнав ирландцев в ничтожество, грабя, убивая и безжалостно эксплуатируя.

25

Дестреза – испанская техника фехтования. Основные движения во время боя построены на аспектах логики и геометрии. Истоки дестрезы относятся к 1569 году, так что на Русь в 1603 году техника еще не пришла даже в теории. Да и развита была очень скудно. Долгие годы была самой совершенной везде, где требовалось индивидуальное мастерство боя, прежде всего для дуэлистов (бретеров) и наемных убийц. На принципах, близких к дестрезе, выстроены многие виды современного ближнего боя. Дмитрий же изучал дестрезу в ее наиболее развитом и совершенном виде, вобравшем в себя немало приемов и

тактик главного конкурента – итальянской школы.

26

Пользуясь отцовскими деньгами, Дмитрий был при шпаге с пламенеющим клинком – дорогим и статусным оружием, наличие которого не сочеталось с образом «бедного рейтара». Но Дмитрий не мог отказать себе в этой слабости.

27

Кошкодер – одноручный меч, типичное оружие ландскнехтов для ближнего боя.

28

Пуффер – легкий вариант пистолета, ходил параллельно с рейтпистолями.

29

Размер окон в те годы – признак статуса. Крестьяне могли вообще окон не иметь или довольствоваться «бойницами». В то время как Московская торговая компания англичан была в Русском царстве самым богатым торговым домом. И дом имела с подходящими для такого положения окнами.

30

Иван Иванович Годунов (убит в 1610 году) – дальний родственник Бориса Федоровича Годунова (четвертое колено, племянник).

31

Титул «царевич» в указанный момент времени использовался для обозначения сына царя. С XVIII века его сменили на «великий князь». В Европе аналогом данного титула был, например, «принц крови». Официальное именование таким титулом при дворе обозначало признание Дмитрия сыном Ивана IV Васильевича.

32

Речь идет о великом князе Иване III.

33

Речь идет о Софье Палеолог, супруге Ивана III, матери Василия III и бабушке Ивана IV. Она приходилась племянницей последнего императора Византии. Монархи Византии в период Палеологов и несколько ранее именовались Басилевсами (в том числе).

34

Ладога, согласно данным археологов, действительно была основана в районе 750 года выходцами из Скандинавии.

После ухода Скьёльдунгов с политического поля Дании в середине IX века установилось междуцарствие. Разные силы боролись за власть. Победил в итоге Кнуд I Хардекнудсон, приходящийся правнуком знаменитому Рогнару Лодброку. Его династия боролась за Данию с середины VIII века. Он смог впервые объединить Данию в единое государство. Его сын Кром Старый стал первым королем Дании.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lancov_mihail/lzhedmitriy-igra-za-prestol

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить